

Грозный с детских лет был книгочеем. Он привык с великим интеллектуальным наслаждением читать рукописные книжицы. Но заветным желанием царя Ивана, внимательно следившего за техническими новинками, было обустройство в нашей стране книгопечатания. Еще накануне похода на Казань царь обратился к датскому королю Кристиану III с просьбой прислать печатников для основания типографии в Москве.

В мае 1552 года король уведомил Ивана IV о посылке в Россию мастера Богбиндера с типографскими принадлежностями, с Библией и еще двумя книгами с изложением «сущности нашей христианской веры». После перевода на русский язык эти книги предполагалось издать в количестве 2000 экземпляров. Перспектива захватывающая!

Если не считать, что Кристиан III, истый лютеранин, собирался увлечь царя своими идеями. Однако русское духовенство, ознакомившись с содержанием датских книг, воспротивилось публикации протестантских сочинений. Иерархи церкви хотели изгнать датского печатника. Но Иван Васильевич взял его под свое тайное покровительство. Царь встретился с ним, вернувшись из Казанского похода. Именно тогда на Руси начались первые подступы к типографским работам. Под руководством датского книгопечатника были анонимно изданы несколько книг — еще несовершенных. Вероятно, одним из его учеников был Иван Федоров.

Примерно тогда же Иван IV поручил некоему саксонцу Гансу Шлитте набрать за границей различных мастеров, в том числе и типографщика. Шлитте мастеров подобрал, но до России они не доехали: Шлитте, под воздействием ливонцев, арестовали в Любеке, а мастера его — кто разбежался, кто оказался в ливонском плену.

В 1556 году русские документы упомянули о русском «мастере печатных книг» новгородце Маруше Нефедьеве, который, видимо, учился у укоренившегося в Москве датчанина.

В первых русских печатных книгах не было указаний на имя печатника, время и место издания. Духовенство не желало, чтобы в православных книгах фигурировало имя мастера-иноверца, датчанина-лютеранина. Но, благодаря пробным изданиям, московские печатники получили подготовку европейского уровня.

Царь выделил крупные субсидии на устройство типографии. В Москве был построен замечательный, отменно оснащенный Печатный двор. Дело было поручено кремлевскому дьякону Ивану Федорову и его соратнику Петру Мстиславцу. Оба успели приобрести некоторый опыт книгопечатания после общения с тем самым датским печатником: «Искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу, глаголют же неции о них, яко от самех фряг то учение прияста». Фрягами, фряжскими гостями на Руси называли всех выходцев из Западной Европы.

Иван Федоров

19 апреля 1563 года Иван Федоров приступил к работе по изданию «Апостола» — своей первой книги. Первпечатник старался уточнить перевод греческого оригинала, приблизить его к нормам русского языка. Он продолжал традицию образованных «справщиков», правивших текст «Великих Миней Четьих» по поручению митрополита Макария.

«Апостол» — это важная богослужебная книга, включающая в себя часть Нового Завета — «Деяния» и «Послания святых апостолов», а также собрание общих и воскресных прокимнов, прокимнов для особых служб, посвященных мученикам и пророкам.

Наконец, 1 марта 1564 года первая русская печатная книга вышла в свет. И оказалась шедевром книгопечатания. Ее страницы выглядят гармонично. Строки ровные, строго параллельные, расстояния между буквами всюду одинаковы, так же как и расстояния между строками. Концы строк лежат точно на одной прямой. Оттиск равномерный, без надавливаний. Красивая книга!

В послесловии к «Апостолу» Иван Федоров утверждал, что неисправленные рукописные книги «растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме». Не забыл он и милостей царя, упомянув, что монарх проявил исключительную щедрость, «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем (печатникам) и к их успокоению, донеже и на совершение дело их изыде».

Апостол

Он хорошо понимал смысл своей деятельности. В послесловии к первой русской книге сказано: «Благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел святыя книги на торгах покупать и в святыя церкви вкладывать. Но среди них мало нашлось пригодных — все оказались испорчены переписчиками, невежественными и неведущими в науках. Тогда он начал размышлять, как бы наладить печатание книг, чтобы впредь святыя книги издавались в исправленном виде».

После смерти просвещенного митрополита Макария Фёдорову стало труднее работать. Начались яростные, утомительные споры по поводу

Печатный двор в Москве

точности канонических текстов, по поводу ошибок переписчиков.

После выпуска «Апостола» — первой книги — в деятельности московского Печатного двора наступила пауза. Прошло полтора года, прежде чем Федоров получил средства на печатание второй книги — «Часовника» («Часослова»). На этот раз текст рукописной книги, взятой за основу, не подвергся серьезной правке, оставлены были даже явные описки и несообразности канонического московского текста. В послесловии к «Часовнику» («Часослову») Федоров вновь сослался на царское повеление: сам государь желал, «яко да украсится

и исполнится царство его славою Божиею в печатных книгах». Эта книга надолго стала главным учебным изданием в нашей стране. «Часовник» — важнейшая богослужебная книга, предназначенная в первую очередь для чтецов и певцов на клиросе. Но она полезна для всех, кто хотел бы получить азы церковного образования.

Права народная мудрость: «Жалует царь, да не жалует псарь». Фёдорова и Мстиславца уважал Иван Грозный, но он не мог уделять им много времени. У первопечатников появились гонители — из числа религиозных фанатиков, которых беспокоила каждая запятая в церковных книгах. Они считали печать дьявольским соблазном. Ведь получалось, что волей какого-то Фёдорова можно получить раз и навсегда канонизированный текст. А их больше устраивало манипулировать переписчиками. Недолюбливали его и многие московские чиновники — из числа тайной оппозиции, те, кто хотел бы сбросить Грозного царя и поставить крест на всех его реформах. И Фёдоров устал бороться.

В послесловии к львовскому изданию «Апостола» 1574 года Фёдоров сделал знаменательное признание: «Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелного ради озлобления, часто случающегося нам, не от самого того государя (Ивана IV), но от многих начальник и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли... Сия убо нас от земля, и отечества,

и от рода нашего изгна и в иные страны незнаемы пресели». Смысл этой жалобы ясен: противники царя стали гонителями первопечатника. Чтобы служить русской книге, он был вынужден уехать в соседнюю страну, в которой всё еще оставалось много русских и православных.

Как Федоров оказался в Литве? Литовский православный магнат Юрий Ходкевич прибыл в Москву с посольством летом 1566 года. Пока он вел переговоры о заключении перемирия, на литовско-русской границе установился недолгий мир. По-видимому, именно Юрий Ходкевич передал Грозному просьбу брата, великого гетмана литовского Григория Ходкевича оказать ему содействие в устройстве православной типографии в Литве. «Великое посольство» на Русь сопровождал огромный обоз. С этим обозом за границу было отправлено громоздкое типографское оборудование.

Почти сразу после отъезда из России Иван Федоров нашел пристанище в селе Заблудове, вотчине Григория Ходкевича. Там, при церкви во имя Богородицы и Николы Чудотворца, московский мастер трудился с 1567 по 1570 год. Потом он работал во Львове, в других городах тогдашней Польши. И всюду печатал русские книги. С годами трудиться ему становилось труднее — православных в Польше стали подвергать гонениям. Но ему помогали русские общины. На могильной плите Ивана Федорова, во Львове, под изображе-

нием его типографского знака было написано: «Друкарь книг пред тем невиданных».

Конечно, и в Москве после отъезда Ивана Федорова остались печатники, остался печатный двор на Никольской.

В 1577 году Печатный двор перевели из Москвы в царскую резиденцию — Александровскую слободу, где преемники Федорова, Андроник Тимофеев и Никита Тарасиев, подготовили новые издания Псалтиря и Часовника. Грозный любил общаться с печатниками. Говорил с ними о книгах, о технических новинках. Подобно Ленину, Грозный осознавал важное агитационное значение печати. Недаром в дальнейшем, в суровые военные годы, типография печатала не только книги, но и листовки против Стефана Батория, распространявшиеся во «многих немецких городах». Это была находка царя Ивана Васильевича! Он первым в нашей стране начал печатать политические листовки, включившись в войну умов, в пропагандистское состязание с врагами.

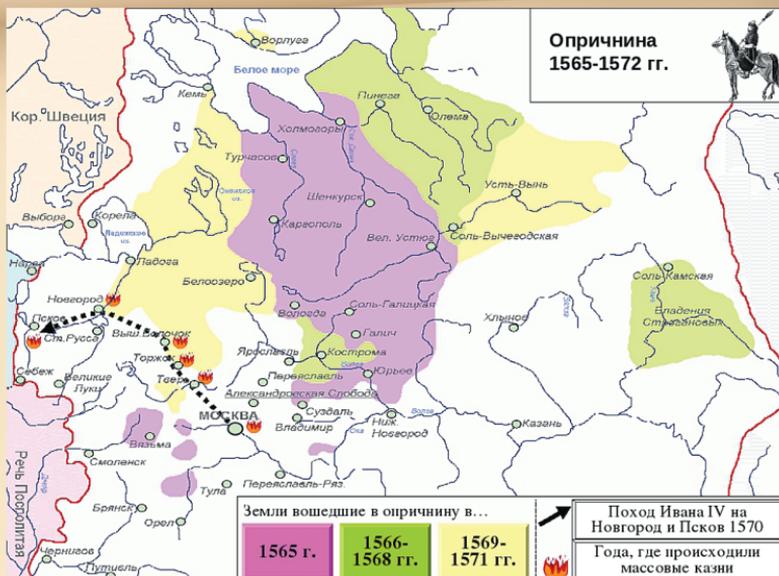
Итак, во времена Ивана Грозного в Русском царстве было издано от пяти до семи книг. И среди них — один шедевр, «Апостол». Это было достойное начало книгопечатания. В годы царствования сына Ивана Васильевича, Фёдора Иоанновича, в особенности — после учреждения патриаршества, книгопечатание в России заметно активизировалось. Но будем помнить, что первая русская книга создана по воле первого русского царя.

ОПРИЧНИНА

Об этом явлении принято рассуждать в обличительных тонах. Идею опричнины считают чуть ли не признаком умственного расстройства царя Ивана Васильевича. Некая блажь самодержца. Но это было совсем не так. Рассмотрим это явление на фактических примерах. Это была важнейшая реформа.

В начале 1565 года Иван Грозный покинул Москву, оставив две грамоты. В первой царь обращался к митрополиту, говоря о том, что высшее духовенство и боярство замешаны в государственных изменах. Эти люди желают только иметь больше земель и расхищать царскую казну. Второй грамотой царь обращался к людям, объясняя причины отъезда предательскими действиями бояр. Царь направился в Александрову слободу. Она была «опричным» владением его матери, Елены Глинской, и после смерти отца, в детские годы, Иван проводил там немало времени. Любил этот край. И решил превратить Александров в столицу своего — православного — рыцарского ордена.

Туда, под влиянием большинства жителей Москвы, вскоре направились бояре, чтобы вернуть

Карта Опричины

царя в столицу. Грозный согласился вернуться, но только при условии, что он получит безусловную власть казнить всех врагов государства, а также создать новый строй в стране — опричнину.

Причина столь резкой и эксцентричной реформы ясна. Царь намеревался объединить страну вокруг себя, вокруг единого стержня. Он понимал, что в царстве сложилась ситуация, требовавшая кардинальных перемен. По выражению В.И. Ленина, «верхи не хотели, низы не могли». А в борьбе со внешними врагами было необходимо мобилизовать все силы. Он хорошо помнил вре-

мена своего детства и разгул своеволия бояр и удельных князей. Ему необходимо было создать новый класс управления, чтобы управлять страной по-новому.

Грозный хорошо знал историю распада Золотой Орды, расколовшейся из-за междоусобиц, из-за отсутствия единовластия, из-за усиления «удельных» ханов, разрывавших империю в разные стороны. Да и история древнерусского государства учила тому же. Потеряв единовластие, потомки Рюрика не смогли оказать достойного сопротивления монголо-татарам в XIII веке.

Можно привести пример и из более поздней истории, которую Иван Грозный мог только предвидеть. Шляхетская вольность, борьба крупной знати против королей (которых они же и избирали) стала причиной ослабления, распада и военных поражений Речи Посполитой в XVII–XVIII веках.

Отныне территория царства разделилась на опричнину и земщину. Первая подпадала под чрезвычайное царское управление. Земщиной править должны были бояре — но с учетом царского права карать и миловать, их власть тоже была ограниченной. В качестве опричных земель были выбраны часть территории Москвы, Костромы, Вологды, Можайска и некоторых других городов. Слово «опричнина» происходит от древнерусского «опричь», что означает «вне», «снаружи», «отдельно», «за пределами». Кроме того, «опричниной» в

Великом княжестве Московском назывался удел, который выделялся вдове при разделе имущества умершего мужа.

Новым аппаратом управления стало для царя опричное войско, первоначально состоявшее из тысячи верных людей. Они совершали карательные набеги на уделы бояр, заподозренных в измене. Это была царская гвардия и одновременно своего рода тайная полиция. Безусловно, одним из образцов опричнины стали для Грозного европейские рыцарские ордена. В Европе они не раз становились государствообразующими ядрами. Ливонский орден стал сильнейшим государством в Прибалтике. В XIII веке тамплиеры сыграли немалую роль и в крестовых походах, и в усилении европейских государств. Также опричина была схожа с гвардейскими и мушкетерскими формированиями, поддерживавшими власть королей во Франции. Турецкие янычары — «новое войско» — тоже были антитезой прежним, менее организованным и менее преданным султану османским войскам. Янычарская гвардия со второй половины XIV века стала ядром, вокруг которого выстраивалась турецкая военная и государственная машина.

Оттуда царь взял строгую иерархию, подчинение игумену-царю и внешнюю атрибутику, напоминающую о связи с церковью. Приветствием опричников был клич «Гойда!». Каждый опричник приносил клятву на верность царю. Сам царь вел

Николай Неврев. Опричники

богослужения, читал за трапезой Священное Писание. «Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают всё лишнее из страны», — вспоминал ливонец Элерт Крузе. Прислушиваться к сочинениям Крузе о Грозном — всё равно, что брать на вооружение геббельсовскую пропаганду о Сталине. Это писал враг, напуганный победами русских. Ивана Грозного оболгали, как позже и Григория Потёмкина с его якобы «нарисованными» потёмкинскими де-

ревнями. Он тоже был неугоден нашим соседям, потому что сломал хребет Османской империи.

У опричнины, безусловно, имелись как негативные, так и благоприятные для страны последствия. Из первых назовем издержки опричного террора, ощущение безнаказанности у временных царских любимцев. Уезды и уделы, по которым покатила волна карательных отрядов опричников, были разорены.

С другой стороны, опричина помогла централизации страны, усилению власти монарха, усилению служивого дворянства. Разорение княжеских уделов, смерть, насильственные земельные мены и переселения представителей высшего боярско-дворянского сословия ослабили влияние противников престола. Ивану было важно оторвать местных «царьков» от их уделов и поставить там служилых людей, которые подчинялись бы верховной власти и действовали бы не только в собственных интересах, но и в интересах государства. Во многом это удалось. В России появилась обширная служилая элита, которой много лет не хватало, — дворянство.

А если сравнивать с русскими реалиями переустройство Англии, Франции, Испании или любого другого государства на пути к абсолютизму, который был потребностью тогдашней цивилизации, мы увидим, что оно проходило не менее, а зачастую и более сурово, и с большим кровопролитием, чем на Руси. Только западные романисты,

Павел Рыженко. Царский указ. Малюта Скуратов

типа Вальтера Скотта, Дюма и прочих, всё замаскировали под красивенькие авантюрные романчики и увлекли мир Д`Артаньяном и Квентином Дорвардом. А жестокость королей припрятали в дальний угол. Вспомните гвардейцев кардинала, швейцарцев — гвардию короля Франции. Все преступления и убийства им спускались с рук.

Царь отныне правил без оглядки на Боярскую думу. Его эксперимент, основанный на анализе истории духовно-рыцарских орденов, русской, европейской, ордынской и турецкой истории, удался.

Важную роль в создании негативной репутации опричнины сыграл тогдашний глава русской церкви — митрополит Филипп. Он был выходцем из боярского рода Колычевых, по-видимому, с детства входил в круг общения будущего царя. Грозный одобрил его возведение в сан митрополита Московского — при этом надеясь оставаться верховным главой и светской, и церковной власти в Русском царстве. И Филипп некоторое время поддерживал политику царя. Но, когда речь зашла о боярских привилегиях, он неожиданно выступил против, стал играть самостоятельную роль — церковную и политическую. Тем более что эти явления в то время были тесно связаны. Он отказался благословлять поход царя на Новгород и с церковной кафедры выступил с двусмысленной речью, которую можно было воспринимать и как осуждение предательства, против которого выступил Иван, и

как филиппику против опричнины. По-видимому, митрополит стоял за компромисс царя с боярами и во многом был сторонником прежних, великокняжеских, устоев. К тому же среди церковников нашлись лукавые царедворцы, осознанно рассорившие его с государем. В результате Филипп был низложен, лишен сана главы православной церкви и сослан в Отрочий монастырь близ Твери. В его убийстве часто обвиняют Малюту Скуратова (как исполнителя) и Ивана Васильевича, но документальных подтверждений этому нет. Среди имен в царском помяннике нет имени митрополита Филиппа — а уж своего давнего друга и столь высокопоставленного святителя он обязательно поминал бы, если бы имел отношение к его гибели. По одной из версий, Филиппа убили противники Грозного, намеревавшиеся удалить его с трона. Митрополит, даже удаленный в монастырь, был для них помехой. Он не принял бы низвержение царя.

Самым известным событием времен опричнины стал поход царя на Псков и Новгород. Осенью 1569 года царь получил сведения, что новгородская знать планирует передать земли Новгорода под патронат Польши, ведутся тайные переговоры. В заговоре участвовали и представители церкви. Они в Новгороде занимались не только своими прямыми обязанностями, но и торговлей. А война мешала торговым делам — и они готовы были предать интересы державы ради прибыли.

Михаил Авилов. Опричники в Новгороде

Ставленником Польши и новгородских бояр на московском престоле должен был стать новый царь — Владимир Старицкий. По-видимому, Иван Васильевич в своем кругу прямо объявил об этих сведениях, потому что вскоре Владимир Старицкий и его старшая дочь покончили с собой (по мнению историков, демонизирующих Ивана Грозного, были отравлены по приказу царя). Старицкий — двоюродный брат царя — не в первый раз предал Ивана Васильевича. В первый раз — когда во время болезни Ивана Грозного поначалу отказался целовать крест его сыну, царевичу Дмитрию. По тем временам это была измена!

Ниспровергатели Грозного говорят о 10–15 тысячах жертв террора в Новгороде. Это фантастическое преувеличение. Малюта Скуратов, руководивший казнями в Новгороде, в своем отчете говорит о 1505 жертвах. Историки называют разные цифры — от 2000 до 3000 человек. Население крупного торгового города в то время составляло около 30 тысяч человек. После этого похода Новгород окончательно стал частью Московского государства, лишившись последних пережитков «вольности». Впрочем, этот процесс начал — с не меньшей жесткостью — великий дед царя, Иван III. Такова была общепринятая практика обращения с городами, впадшими в крамолу в те годы. А Новгород был полон крамолы.

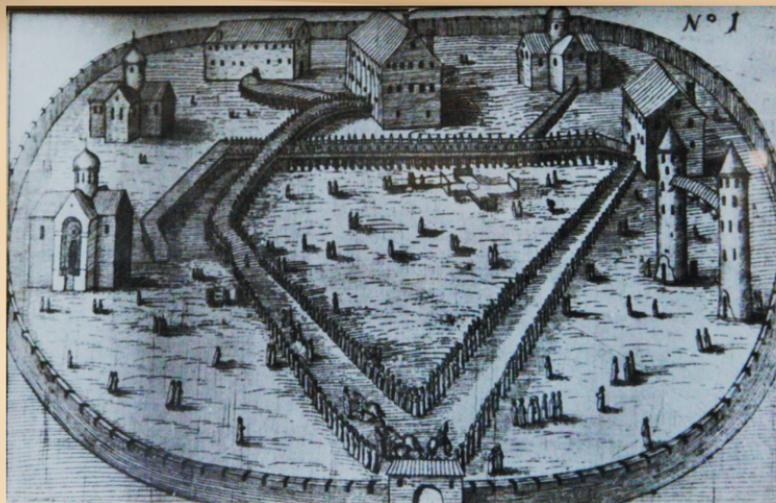
Боярский заговор против царской власти, скорее всего, действительно был. И опирался на зарубежные силы — в первую очередь на Польшу. «Многие знатные вельможи собрали в Литве и в Польше немалую партию и хотели с оружием идти против царя своего», — писал Генрих фон Штаден, немецкий дворянин, некоторое время служивший в опричнине, а потом оставивший о Грозном достаточно критические записки. Вождем заговора был бежавший к врагам Грозного князь Андрей Курбский — его прежний соратник.

Опричнина продолжалась меньше семи лет. Иван Грозный крепко держал в своих руках власть примерно сорок лет. Это был важный, но

сравнительно недолгий эксперимент, который дал как положительные, так и отрицательные результаты.

Почему царь отменил опричнину? Начнём с того, что основа опричнины, лучшие бойцы, погибли в сражениях Ливонской войны и в войне с крымскими татарами, в битве при Молодях. С другой стороны, Грозный увидел в действиях некоторых опричников злоупотребления властью. Ряд видных опричников подверглись различным наказаниям, вплоть до казни. С осени 1772 года царь запретил употреблять само это слово — «опричнина». Но он сохранил доверие к одному из руководителей опричнины — Малюте Скуратову и к своему молодому ученику — талантливому политику Борису Годунову. Опричные устои во многом сохранились. Просто вместо слов «опричнина», «опричник» стали употреблять слова «двор», «дворовые». Отныне гвардию Грозного называли так. Он не забыл опыт опричнины, он переосмыслил его, превращая страну в единое, сплоченное государство, не сломавшееся даже, когда пришлось вести войну сразу на несколько фронтов — с ливонцами, поляками и Крымским ханством, одновременно совершая экспедиции против Сибирского ханства.

Отрицательно оценивали опричнину такие историки, как Н. Карамзин, Н. Костомаров, В. Ключевский. Скорее положительную оценку этому явлению дали С. Соловьев, С. Платонов, Р. Виппер.

Александровская слобода

Противоречивые оценки опричнины даны в исследованиях историков С. Веселовского и А. Зимина.

Любопытно мнение Иосифа Сталина: «Войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У него старое отношение к опричнине».

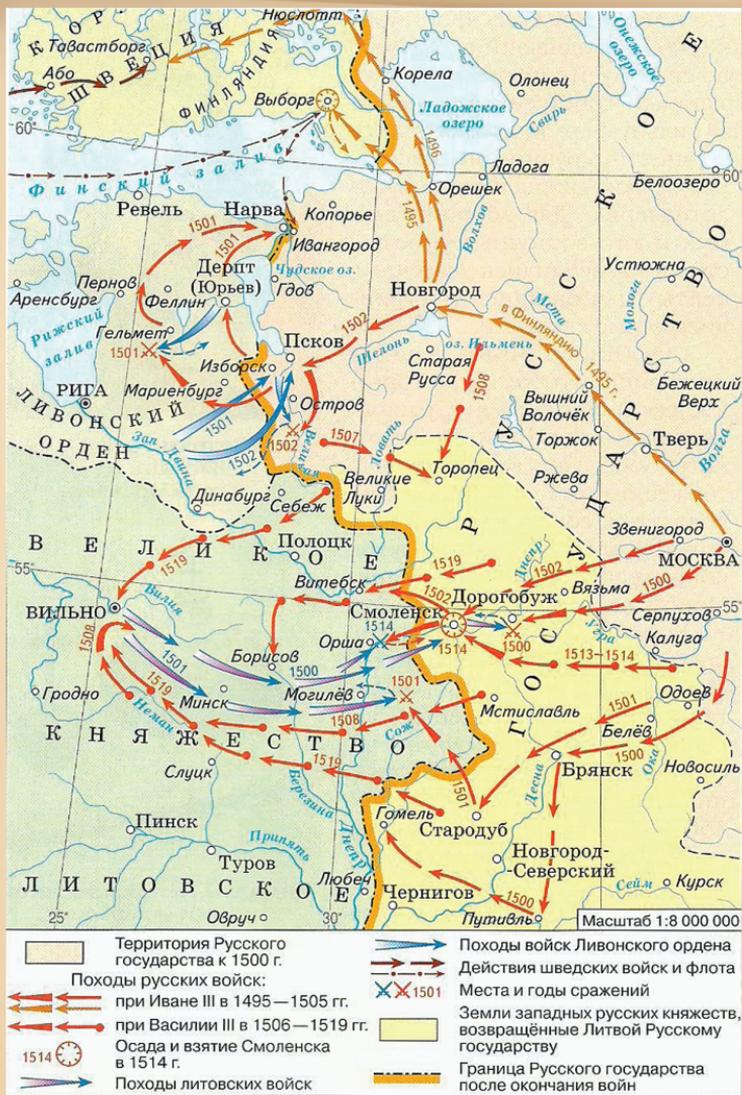
Опыт опричнины помог и Грозному, и его преемникам. Помог создать служилое дворянство, укрепить единство централизованного государства. Видеть в опричнине только грабежи и казни — историческая близорукость.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Что вспоминают о Ливонской войне историки и политики, для которых Иван Грозный — «безумный деспот»? Они объявляют ее крахом политики первого русского царя. Без пояснений. Так ли это было?

Взгляд на Ливонскую войну как пример бездарной и безответственной политической авантюры, порожденной тираническим режимом Ивана Грозного и приведшей Россию к военному и политическому краху, — крайняя близорукость. Ведь все ее апокалиптические оценки основываются на анализе итогов последних трех лет войны — 1579–1582 годов. Действительно, в эти годы Псковская земля подверглась оккупации войсками Речи Посполитой, были потеряны завоевания Грозного в Ливонии. Однако если мы посмотрим на события 20 предшествующих этому периоду лет, то картина окажется совершенно иной.

Для начала рассмотрим причины войны. Как известно, в окружении Грозного было немало противников войны на северо-западных рубежах. Например, протопоп Сильвестр, на тот период — один из ближайших советников царя, предлагал поход на Крым и фактически долгую борьбу с Ос-

Карта Ливонских войн

манской империей — самой мощной империей и армией тогдашней Евразии. Его резоны были понятны: и выход к Чёрному морю, и предотвращение разорительных набегов из Крыма, и в финале — освобождение православных народов. Но Грозный считал масштабное столкновение с османами преждевременным. Чтобы подготовиться к нему — нужно было ещё усилить армию, а для этого активизировать экономическое и политическое сотрудничество с Европой, прежде всего с немцами и датчанами. И правильно: османы в то время располагали самой сильной армией в мире. Чтобы вести с ними большую войну, нужно было готовиться не одно десятилетие. Ливония была серьезной помехой в этом деле. У ливонцев с русскими имелся ряд договоров, по которым они были обязаны и выплачивать Москве небольшую дань, и пропускать русских купцов, и европейских купцов, следовавших в Русское царство, и не разрушать православные церкви. Но орден вел лицемерную и жесткую политику. Дань не выплачивалась. Нередки были аресты русских купцов с конфискацией их имущества. Православные церкви закрывались, в них устраивались лютеранские кирхи. Наконец, они не пропускали в Москву мастеров, которых, по приказу Грозного, нанимали в Европе. Более 500 мастеров разных специальностей, направлявшихся в Русское царство, были задержаны в Ливонии. Многих из них казнили. Не пропускали ливонцы и

стратегически важные товары — для пушкарского дела, для книгопечатания. К тому же в 1557 году ливонцы подписали договор с Польско-литовской унией, который грубо нарушал недавние русско-ливонские договоры и, по существу, означал появление в будущем антирусского военного союза на западных рубежах нашей страны.

Конечно, смириться с такой агрессивной позицией Ливонии царь не мог — и обрушил свою военную мощь на Ливонию.

Это была не война, а, скорее, череда войн, которая продолжалась 25 лет, с 1558 до 1583 год. Противники Москвы менялись.

Одним из них оказалось и Великое княжество Литовское. О нем хотелось бы рассказать чуть подробнее. Это государство, сложившееся вокруг династии Гедиминовичей в XIII веке, после ослабления Древней Руси, на осколках ее западных княжеств. В первые века своего существования Великое княжество Литовское было по большей части православным — и его воспринимали как одно из продолжений Руси (наряду с Новгородом, Москвой, Тверью). Православными были и большинство литовцев, их алфавитом была кириллица. Гедиминовичи опирались и на литовцев, и на русских — и их государство стало на некоторое время сильнейшим наследником Руси. Они не находились в зависимости от Золотой Орды, но постепенно впали в культурную и политическую

зависимость от католической Польши — и этот процесс усиливался. В 1385 году Литва заключила личную унию с королевством Польским, по которой литовский великий князь Ягелло стал и королем Польским. С тех пор и литовцев, и русских в Литве стали окатоличивать и ополячивать. А ведь великое княжество занимало огромную исконно русскую территорию, в разные годы в нее входили и вся нынешняя Белоруссия, и Смоленск, и Брянск, и Курск, и половина нынешней Украины. К началу Ливонской войны Грозный еще не видел в Литве врага: слишком силен там был русский, православный элемент. Но ситуация менялась.

Грозный был умелым дипломатом и понимал, что ввязываться в войну без союзников опасно. Большой дипломатической победой Русского царство в то время было установление дружественных отношений с Данией. Датская корона в то время объединяла территории Норвегии и — в известном смысле — Швеции. Хотя шведы уже несколько десятилетий вели войну за независимость и несколько раз объявляли о своем суверенитете. Но за время Ливонской войны мир изменился. В 1570 году датчане отказались от притязаний на Швецию. Расстановка сил изменилась. Другим важным фактором стало объединение Польши и Литвы в единое государство — Речь Посполитую — с гегемонией католической Варшавы на огромном пространстве. Это государство и стало

главным соперником России на втором этапе Ливонской войны. Вмешалось в войну и Крымское ханство. Поучаствовала в войне (правда, вдали от России) и Пруссия, испытывавшая давление Литвы.

Рассмотрим внимательнее события тех лет. Русские войска вторглись на территорию Ливонского ордена в январе 1558 года. Уже 11 мая был получен первый «главный приз» — Нарва. Русские сражались героически. В конце 1558 года магистр ордена Кетлер подступил к крепости Ринген, чтобы вернуть её под свою власть. Крепость защищал гарнизон из несколько сот стрельцов под командованием воеводы Русина-Игнатьева. На помощь осаждённым отправился двухтысячный отряд воеводы Михаила Репнина, но Кетлеру удалось разбить его. Однако русский гарнизон продолжал оборону крепости в течение пяти недель, и лишь когда у защитников кончился порох, немцы сумели штурмом взять крепость. Весь гарнизон был перебит. Это был тактический успех Кетлера, но осада показала и самоотверженность русских войск. А ливонского магистра ждали новые поражения.

2 августа 1560 года под Эрмесом русские войска уничтожили отряд, в который входил цвет ливонского рыцарства — орденская аристократия. Считается, что после этой битвы орден северных крестоносцев уже не смог оправиться. Точку в его истории поставила армия Ивана Грозного: в 1561 году Ливонский орден официально прекратил существование,

Готхард Кетлер

а его последний магистр Готхард Кетлер стал герцогом курляндским, вассалом русского царя.

В Прибалтике в это же время была создана так называемая Русская Ливония — подвластный России большой территориальный анклав со столицей в Юрьеве Ливонском (бывшем Дерпте, ныне

Тарту, основанном Ярославом Мудрым в 1030 году). В 1562 году легитимность Русской Ливонии признала Дания, что, безусловно, стало важной победой русской дипломатии. В 1563-м был взят Полоцк — он оказался самой дальней точкой продвижения России на запад в XVI веке.

Сражались русские в тех кампаниях героически. Не сдавались, когда врагов было больше, умело использовали артиллерию и конницу.

Итоги военного противостояния были подведены в 1575 году в рамках соглашения со Священной Римской империей о разделе Восточной Европы: Польша признавалась сферой интересов германской стороны, а России доставались земли Великого княжества Литовского. Правда, соглашение не было реализовано из-за скорой смерти заключившего его императора Максимилиана II, но показательна суть этого договора: Россия и империя фактически на двоих делили целый регион Европы.

В 1577 году русская армия грандиозным походом прошла по Ливонии, захватывая один замок за другим, и вышла к берегам Западной Двины. По сути, под властью Ивана Грозного оказалась вся современная территория Эстонии, кроме Ревеля (ныне Таллин) и острова Эзель (ныне Сааремаа), и половина Латвии.

Все это трудно назвать поражением: наоборот, можно уверенно говорить, что вплоть до 1577 года война для России развивалась абсолютно успеш-

Пётр Соколов-Скаля. Взятие Иваном Грозным крепости Кокенгаузен

но. Были проиграны отдельные битвы (например, на реке Уле в 1564 году), но в целом стратегия Ивана Грозного торжествовала.

Другое дело, что «Баториеву войну», как называли в Москве военные действия 1579–1582 годов, Россия действительно проиграла. Русская дипломатия не ожидала столь активного участия в войне Речи Посполитой. В 1578-м наши войска уступили в битве под Венденом — бывшей столицей Ливонского ордена, одной из ключевых крепостей Ливонии. В 1579 году войска польского короля Стефана Батория прорубили дорогу по заросшему Виленскому тракту, пришли под сте-

ны Полоцка и взяли его. В 1580-м польско-литовские войска, в состав которых входили наемники почти из всех стран Европы, вторглись в пределы России. Были захвачены Великие Луки.

В 1581 году был осажден Псков — главный город северо-запада Руси. Впрочем, сам город баториевцы взять не смогли, Псков выдержал тяжелую осаду. Устоял и Псково-Печерский монастырь. Это были героические оборонительные битвы, в которых русские воины и ополченцы проявили беспримерный патриотизм.

Точка в войне была поставлена Ям-Запольским перемирием 1582 года. Россия, согласно его положениям, уходила из Прибалтики: все ее завоевания оказались утрачены, фактически она возвращалась на позиции, которые занимала до вступления в войну. При этом все русские земли, захваченные польско-литовскими войсками в ходе наступления в 1579–1581 годах, Баторий вернул обратно.

Речь Посполитая войну выиграла, но ее главные приобретения были сделаны не за счет России, а за счет погибшей Ливонии, на территории которой образовалось подвластное Польше Задвинское герцогство. Впрочем, период польского владычества в Прибалтике оказался непродолжительным: в начале XVII века поляков оттуда выбили шведы.

Что касается Плюсского перемирия, заключенного между Швецией и Россией в 1583 году, то русско-шведская граница прошла по реке Стрелке.

Карл Брюллов. Осада Пскова

Это район современной Стрельны. Россия потеряла Ивангород и Ям — форпосты на Балтике. На Карельском перешейке она лишилась Корелы. Однако все эти земли и крепости были утрачены ненадолго. Уже в 1589–1590 годах удача в новой войне оказалась на стороне русских, и по Тявзинскому миру 1595 года Швеция возвратила Корелу, Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Ладугу. То есть Россия вернулась на позиции довоенного 1558 года. И эти победы обеспечила армия, вышколенная Грозным.

Распространенный в литературе тезис, что Россия потеряла по итогам Ливонской войны выход к Балтике, ошибочен. Буквально через несколько лет он был возвращен — правда, активно пользо-

ваться им в торговых целях наши предки не могли: слишком активно там орудовали шведские пираты, перекрывая узкое горлышко финского залива между нынешними Таллином и Хельсинки. Реальная потеря балтийского побережья произойдет только в Смутное время, что закрепят условия русско-шведского Столбовского мира 1617 года, но это произошло уже при первом Романове.

А кто же объявил Ливонскую войну крахом политики Ивана Грозного? Всё тот же Карамзин, подробно описавший поражения, но мало уделивший внимания победам русский войск в те годы.

Что касается русского военного командования, на которое сделал ставку Грозный, то оно за все годы войны проиграло лишь одно крупное полевое сражение — битву на реке Уле (1564).

Общие итоги войны были таковы: Ливонский орден, грозивший нашей стране католической экспансией, был полностью уничтожен. Необходима была передышка для нового рывка к Балтике, что и было осуществлено при Борисе Годунове. А долговременный спор с Польшей завершился победой России именно потому, что в нашей стране возобладали принципы Ивана Грозного: единовластие и централизация. Поэтому стратегически Ливонская война была скорее победой, чем поражением. Хотя Грозный, конечно, ждал от неё большего, и душа его в последние годы войны страдала от коварства врагов.

НОВГОРОДСКАЯ ЕРЕСЬ

Правление великого деда Ивана Грозного — Ивана III — было омрачено появлением опасной ереси, объединившей многих видных архиереев и политиков в Москве и Великом Новгороде.

Когда мы говорим о вопросах межрелигиозного противостояния в Средние века, нужно учитывать, насколько важным был этот вопрос для наших предков в те годы. Вера была основой жизни. На религии строились мировоззрение, быт и государственные устои. Во многом церковное начало было важнее, мощнее и богаче, нежели государственное. И в глазах власти, и в глазах большинства людей в то время предать веру было всё равно, что в XX веке выдать ядерный секрет... Помните, как в США казнили всех, кто был причастен к передаче в СССР ряда ядерных секретов... Да и у нас таких изменников карали строго.

В церковной среде традиционно считается, что первым распространителем ереси стал некий «жидовин Захария», проявившийся на берегах Волхова в свите киевского князька Михаила Олельковича и сумевший «соблазнить» нескольких священников, тайно обратить их в свою веру. Мы мало что знаем о нюансах их религиозной

Аполлинарий Васнецов. Московский застенок

практики. Но, скорее всего, в ней присутствовали элементы иудаизма. Возможно, включая непризнание божественной природы Иисуса Христа и отрицание связанных с этим догматов. Обманным путем они приучали не слишком образованных русских священников к иудейским обрядам. Прибывший в Новгород епископ Геннадий обнаружил, что игумен препятствует обряду причастия и сам не причащается. В Новгороде проявились и позиции иконоборцев.

Почему они так легко овладевали душами? Из-за полного невежества нашего духовенства. Иудеи привозили свои книги, переводили их тайно с иврита на русский. А в то время даже Библии на русском языке у наших архиереев не имелось. И осознанно спорить с противниками могли немногие.

Бежав из Новгорода, жидовствующие священники находили поддержку в Москве. Дело в том, что, скорее всего, эту веру исповедовал и второй человек в государстве — дьяк Фёдор Курицын. И его ставленник — митрополит Московский Зосима. В еретическую веру перешли и некоторые родственники великого князя. Невестка великого князя Елена была на стороне еретиков, ее поддерживали могущественные сановники, а Иван III торжественно провозгласил Дмитрия, сына Елены, наследником великокняжеского престола.

В конце концов ересь была осуждена на церковных соборах. Иосиф Волоцкий, основатель монастыря со строгим уставом, стал главным борцом с ересью. Из его посланий можно понять, в каком состоянии было тогда всеобщее брожение умов. Он писал: «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне, с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа; с

ними дружат, пьют и едят и учатся у них жидовству. А от митрополита — сосуда сатаны и дьявола — еретики не выходят из дома и спят у него».

Главным борцом с ересью, кроме митрополита Геннадия и Иосифа Волоцкого, стал сын Ивана III и отец Ивана Грозного Василий Иванович, провозглашенный наследником престола после отлучения Дмитрия. 27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках при народе были сожжены дьяк Иван Волк Курицын (брат знаменитого дьяка-дипломата, который к тому времени умер — скорее всего, в заключении), Дмитрий Коноплев и Иван Максимов. В Новгороде сожгли архимандрита Кассиана, Некраса Рукавого и еще нескольких еретиков.

Это было до Грозного. Иван Васильевич продолжал отцовскую линию в отношении еретиков. Один из иностранных авторов писал о первом русском царе: «Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и не ненавидел за веру никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду».

Это, конечно, преувеличение. Но, безусловно, ереси жидовствующих, центром которой был Новгород, царь опасался всерьез. Стремясь к активизации торговли, он не пускал в русские города купцов-иудеев — и даже имел по этому поводу объяснение с польским королем.

Иван Грозный продолжил дело отца. Его поход на Новгород (количество жертв которого преувеличивается) связан с искоренением остатков ереси, в которой царь не без оснований видел очаги политического предательства. В Новгороде в годы Ливонской войны вызревала измена, связанная с тем, что там и православное духовенство, и остатки жидовствующих, и богатые купцы, и бояре готовы были оторваться от Москвы и перейти на сторону врага. Во многом та измена была связана и с обидами старых новгородских родов на деда Ивана Грозного — Ивана III, уничтожившего свободу Новгорода. Они мечтали о реванше. В том числе — с помощью ливонцев, поляков. Грозный строго карал таких изменников.

А с ересями Грозный стремился бороться, повышая образовательный уровень русского духовенства. На этом пути ему удалось многое. В том числе и книгопечатание.

Почему царь Иван Васильевич, будучи широко образованным человеком, который интересовался многими иностранными цивилизациями, отрицательно относился к евреям? Во-первых, для верующего человека того времени представители этой религии (иудеи) предали и отдали на казнь Христа. Во-вторых, еврей-купцы часто работали «на врага», шпионили, вслед за ними приходили захватчики. Так бывало и в истории Древней Руси. В-третьих, Грозный хорошо знал историю Ру-

си, знал, что хазары-иудеи были опасными врагами русских во времена Рюрика, Олега, Игоря. И их наголову разбил отважный воин князь Святослав.

В Средние века подвигом считалось не только погибать за веру, но и убивать, карать за нее. Достаточно вспомнить острую борьбу католиков с гугенотами во Франции, деятельность инквизиции в Испании и борьбу испанцев с протестантами в Нидерландах. Там жертвами этой розни пали сотни тысяч людей. А если вспомнить изгнание евреев из Испании, Сардинии и Сицилии указом правящей королевской четы Фердинанда II Арагонского и Изабеллы Кастильской, принятым в 1492 году в Альгамбре (Альгамбоский декрет, также известный как Гранадский эдикт, или Эдикт об изгнании). Эдикт предписывал всем евреям Испании в трёхмесячный срок либо креститься, либо покинуть пределы страны. Оставшиеся после этого срока объявлялись вне закона. Евреи бежали в Португалию (где через 4 года история повторилась), оттуда — на север Европы, либо в Италию, Османскую империю, страны Северной Африки. Для иудеев изгнание стало национальной катастрофой.

Точное число изгнанников, лишённых имущества и вынужденных покинуть страну, в которой их предки жили более 1500 лет, не может быть установлено и оценивается разными историками от 50 тысяч до 150 тысяч и более. Тем не менее было велико и число избравших крещение.

У Грозного с евреями всё было гораздо скромнее.

Только во время Ливонской войны царю пришлось столкнуться с относительно большим числом иудеев, живших в Прибалтике и Польше. С этим связано немало самых невероятных легенд, сохранившихся среди местного еврейства. Например, такая:

«Была лютая зима. Московский царь Иван Грозный завоевал Полоцк и повелел всех евреев с их женами и детьми — всех до единого! — согнать к берегу реки Двины, неподалеку от княжеского замка. Собрали всех евреев, их жен и детей, числом три тысячи (цифра преувеличена, как минимум, в 10 раз — на то и легенда! — прим. авторов), и поставили у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей — мальчик, сын одного коэна, и девочка, дочь коэна, — во время суматохи были позабыты и не приведены к реке.

И приказал Иван Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом три тысячи. Спаслись только те двое детей, которых Иван Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли они и поженились, получив прозвище Бар-Коэн — Баркан. От них пошла новая община и фамилия Баркан».

Это ложь, но у лжи, как известно, длинные ноги. На самом деле жертв было около 300. И сам Иван Васильевич в казнях участия не принимал,

хотя одобрял уничтожение тех, кто отказывался креститься. И это было обычной практикой в те суровые времена. Жертвы омусульманивания или окатоличивания исчислялись сотнями тысяч.

Но еврейский ум не только изворотлив, но и злопамятен. Известно, что еврейское лобби среди тех, кто «делает общественное мнение», весьма сильно и влиятельно. Поверьте, мы, в отличие от антисемитов, не демонизируем мировое еврейство. Этот талантливый народ, будучи рассеянный по миру, был вынужден выживать и укреплять свое влияние, отстаивая собственные интересы. И тем, кто попал в списки их врагов, в истории создается черная репутация. Простой пример — Иосиф Сталин. Пик репрессий в его времена пришелся на 1936—38 годы. Именно тогда в СССР был уничтожен перекокс, который существовал с 1917 года, когда в новой элите стало непропорционально много евреев. Но тогда Сталин — коммунист, интернационалист — еще не слыл антисемитом. И в великом противостоянии с Гитлером еврейство, естественно, поддержало Советский Союз и Сталина. Если бы он умер в 1945—46 году, поверьте, никакой демонизации Сталина в мире не было бы. Его бы прославляли как победителя нацистов. Возможно, немного критиковали бы за жесткость в политической борьбе, но не более.

Ключевую роль в демонизации Сталина сыграли послевоенные кампании, в которых разгляде-

ли «антисемитский душок» — борьбу с космополитизмом и дело врачей. Жертв в послевоенные годы у Сталина было сравнительно мало, но он активно боролся с космополитическим (во многом — еврейским) влиянием на умы. И этого ему не простили. Хотя многие евреи, будучи советскими патриотами, ярко проявили себя именно в те послевоенные годы и в искусстве, и в науке. И даже боролись с космополитизмом! Но это забыто современными пропагандистами, которые закрывают глаза и на польский, и на американский антисемитизм XX века, а в «плохих парней» превращают только немцев и советских.

То же самое и с Иваном Грозным. Его отношение к ереси жидовствующих и к еврейскому купечеству стало роковым. Именно в связи с этим в XX веке первому русскому царю создали репутацию чудовища.

Но, право, современные евреи сильно преувеличивают жестокость русского царя. В списке тех, кто уничтожал их предков, он не займёт и сотового места, уступив десяткам испанских, французских, польских и других монархов, а тем более представителям католического ордена иезуитов, основной целью которых было уничтожение не-католиков: иудеев, протестантов и православных. И которые прочно захватили власть в Польше.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ С КРЫМОМ. МОЛОДИНСКАЯ БИТВА

Крымское ханство при Иване III (годы правления 1462—1505) некоторое время было полезным союзником Великого княжества Московского. Это было одно из самых мощных в военном отношении государств, возникших на обломках Золотой Орды. Там даже чеканили собственную монету. Ведь Крым был древним очагом цивилизации — и греческой, и скифской, и половецкой. Татарам удалось перехватить военно-политическую власть над этим важным регионом. Кочевья крымцев простирались довольно далеко и на запад, и на восток, и на десятки и даже сотни километров на север. Им удавалось оказывать влияние и на Ногайскую Орду, контролировавшую обширные территории на Кубани. Словом, это был опасный сосед Руси.

Основателем независимого от Золотой Орды Крымского ханства считается Хаджи-Гирей I. В 1420-е годы он захватил власть в Крымском улусе, а в начале 1440-х возглавил его в качестве суверенного правителя. Впрочем, история Крыма как самостоятельного государства оказалась короткой: в 1475 году на полуострове высадилась османская армия. Впоследствии на протяжении

трех веков политика потомков Хаджи-Гирея во многом определялась Стамбулом.

Позже Менгли-Гирей установил союзнические отношения с Русью, вместе с Иваном III боролся против Большой Орды и Литвы, а после победы над ханом Ахматом включил в свой титул громкое прозвание «хан Большой Орды». Крымские ханы как астраханский, так и казанский престол считали своими. И стали претендовать на даннические отношения с Москвой.

Кардинально отношения с Крымом изменились во времена правления отца Ивана Грозного, Василия III (1505—1533), из союзника они стали врагами. Среди причин — скупость Василия, который не любил сорить деньгами и перестал преподносить подарки крымцам, но главной причиной стало то, что ханство утратило свою независимость и стало вассалом Турции.

Когда в 1547 году Иван IV был венчан на царство, это изменение его статуса в Крыму (да и не только) еще долго не хотели признавать. Для того чтобы признать его, крымцам нужны были какие-то серьезные основания. Происхождение от Ромула, которым гордился Иван Грозный, для них было пустым звуком: для крымцев имела значение чингизидская кровь, а о ее наличии у царя они не знали. Поэтому в их глазах положение русского царя долгое время было политически ущербным. В силу этого обстоятельства «поминки» (дары),

которые приходили из Москвы в Крым, рассматривались там исключительно как дань. В Москве же в «поминках» видели своего рода дипломатический обмен, некий этикетный жест, непременное условие церемониала, и именно поэтому у нас появился такой термин — «поминки». В Крыму подобные подношения называли «тыш» — это калька с арабского слова «харадж», что означает «дань». Завоевание Казани и Астрахани вызвало колоссальное недовольство в Крыму. Ханы считали, что это их юрты, часть их наследства, и долго не могли смириться с тем, что данные земли вошли в состав Московского государства. И только к середине 1570-х годов — в обмен на увеличение суммы «поминок» — Крым признал эти присоединения. Это была большая победа московской дипломатии. Правда, в XVII веке, например при Джанибек-Гирее, отмечались еще попытки реванша, вынашивались планы по «возвращению» этих территорий под власть крымского хана.

Крымские набеги были серьезной проблемой для Москвы. В Стоглаве, сборнике решений Церковно-земского собора, проходившего в Москве в 1551 году, есть даже отдельный раздел, посвященный выкупу пленных. Это и частным образом делалось, но и государство выделяло на выкуп деньги. Русское правительство постоянно сталкивалось с этой проблемой, требовались немалые средства для того, чтобы выкупать людей, уводи-

мых в рабство крымцами. Для ханства это была важная статья дохода!

Крымцы регулярно заходили очень далеко вглубь русских земель, неоднократно угрожая даже столице... Крым мог выставить против Москвы несколько десятков тысяч всадников — это довольно значительное число для того времени. Это было мобильное войско, способное совершать стремительные броски на очень дальние расстояния. Крымские ханы располагали лошадьми, которые были к таким броскам приспособлены, всадниками, которые умели жить в степи и практически могли обходиться без обоза. У них были «курут», то есть сухое кислое молоко и толокно, мука из обжаренного зерна, которую можно было развести водой абсолютно где угодно (своего рода консервы) — и все это всадники возили с собой. Так можно было питаться на протяжении нескольких месяцев, обходясь при этом без всякого обоза. Плюс сменные лошади. Это представляло мощную военную угрозу. Работорговля — прямое следствие набегов — было основой крымской экономики. Транзит реализовывался через османский порт Кефе — один из крупнейших портов на черноморском побережье. Рабов везли в Стамбул, и потом они расходились по всей Османской империи. Там спрос на этот товар был очень высок. Основная масса работала на галерах, Турция имела огромный галерный флот, и необходимы были тысячи гребцов, ведь срок вы-

живания на галере исчислялся в лучшем случае месяцами, и требовался постоянный приток новых рабов. Женщины использовались и как работницы, и как жены и наложницы, рожавшие детей.

Девлет-Гирей I, когда сжег Москву в 1571 году и за это получил прозвище Тахт-алган («взявший столицу»), тем самым хотел продемонстрировать свое политическое доминирование. Вспомним, когда это произошло: в тот период, когда два государства столкнулись в борьбе за дележ ордынского наследства. Сожжение Москвы стало напоминанием о былых унижениях, которым московский царь подверг крымского наследника чингизидов, захватив Казань и Астрахань.

С помощью перебежчика с русской стороны князя Семена Бельского крымцы вышли к столице. Взять Кремль им не удалось, но они подожгли дворы в предместьях. Огонь уничтожил практически весь город. В Крым Девлет-Гирей вернулся с богатой добычей и тысячами пленных. Некоторые источники говорят о 150 тысячах человек полонённых, которые были взяты «живым товаром». 36 городов было вырезано, сожжённым деревням и хуторам вовсе не было счёта. В разорённой стране начался голод. Чтобы подчеркнуть нанесённое унижение, Девлет-Гирей послал московскому царю нож, «чтобы Иван зарезал себя».

Поэтому год спустя войско хана, вновь пришедшее на русские земли, грозило Русскому цар-

ству, ведшему напряженную войну с ливонцами и поляками, катастрофой. Прежние планы османского султаната и крымского ханства изменились: им уже было мало восстановления Казанского и Астраханского ханства. Конечной целью стало покорение всей Руси.

Русские земли уже были поделены между ханскими мурзами. Как говорится в летописях, «крымский хан пошёл с многими силами на русскую землю и расписал всю русскую землю кому что дати, как при Батые». О себе же Девлет-Гирей говорил, что идёт «в Москву на царство», и посему он уже видел себя на московском престоле. Царю Ивану IV была уготована участь пленника.

По разным источникам, численность «пришедша воевати царя Московского» крымско-татарских войск составляла от 100 тысяч до 120 тысяч, с которыми были ещё и семь тысяч янычар, предоставленных в помощь Великим султаном Османской империи. Защиту южных рубежей Московии в общей сложности тогда обеспечивали гарнизоны, разбросанные от Калуги и Тарусы до Коломны, их общая численность едва доходила до 60 тысяч воинов. В самой же битве решающей битве с Девлет-Гиреем при Молодях, на подступах к Москве, принимали участие, по разным оценкам, около 40 тысяч человек.

Для командования русскими силами, которые должны были встретить татарско-турецкую орду,

Памятник князю Воротынскому
в поселке Воротынец Нижегородской губернии.
Скульптор Владимир Нагорнов

Иван Грозный призвал испытанного воеводу, князя Михайло Воротынского. Грозный не мог снять войска с западных направлений. Он объединил в одно войско земские и опричные части, имевшиеся под рукой, свободные от войны, и отдал их под начало Воротынского. Воинов критически не хватало. Требовалась тактическая победа, требовалось «воевать не числом, а умением», как позже говорил Александр Суворов. На подмогу подошли 5 тысяч казаков под командой Михаила Черкашина и тысяча малороссийских казаков.

Воевать под Москвой пришлось малыми силами. И в этом величие битвы, о которой мы хотели

Памятный камень на месте Молодинской битвы

бы вам рассказать. У самых ворот столицы русские стояли насмерть, проявили воинскую стойкость и тактическую зрелость.

Историки по-разному определяют дату начала битвы при Молодах. В одних источниках называется 26 июля 1572 года, когда произошло первое боестолкновение, большинство источников датой начала битвы считают 29 июля — день, когда начались главные события битвы.

Расскажем о ней подробнее. Подойдя по Дону, 23 июля 1572 года татарское-турецкое войско остановилось у Оки, 27 июля крымцы начали форсировать реку. Первым переправился 20-ты-

сячный авангард крымского войска, который вёл Тебердей-мурза. Его встретил небольшой сторожевой отряд «детей боярских», в котором было лишь 200 воинов. Этот отряд возглавлял князь Иван Петрович Шуйский. Отряд Шуйского сражался отчаянно, но силы были слишком неравны, почти все воины отряда полегли в этом бою. После этого авангардные полки Тебердея-мурзы вышли к реке Пахре близ сегодняшнего Подольска и встали там в ожидании подхода основных сил. В ночь на 28 июля Оку перешли и основные силы татарско-турецкого войска.

Девлет-Гирей, отбросив в кровопролитном бою полки «правой руки» князей Никиты Одоевского и Фёдора Шереметева, двинулся на Москву в обход Тарусы и Серпухова. Вслед за ним шёл передовой полк князя Хованского и опричный полк князя Хворостинина. Основные силы русского войска находились у Серпухова. Там же Воротынский разместил «гуляй-город» — мобильную деревянную крепость.

Возникла странная, на первый взгляд, расстановка: авангард и основные силы крымцев двигались к российскому стольному граду, а русичи шли по их следам. Никаких сил на пути татарско-турецкого войска к Москве у русских не было. Но Грозный и Воротынский замыслили ударить в тыл врагу. Авангард уже достиг реки Пахры (в северных окрестностях современного Подоль-

ска), а арьергард едва достиг реки Рожайки у села Молоди (современный городской округ Чехов Московской области). Этой растянутостью и воспользовались русские войска. 29 июля Михайло Воротынский бросает в атаку на арьергард татарского войска полк молодого опричного воеводы князя Дмитрия Хворостинина. Арьергард ханского войска состоял из мощных и хорошо вооружённых пеших полков, артиллерии и отборной ханской конницы. Командовали арьергардом два сына Девлет-Гирея. К неожиданной атаке русских враг был явно не готов. В яростном бою ханские части были практически уничтожены. Оставшиеся в живых, бросая оружие, обратились в бегство. Опричники бросились преследовать бежавшего противника и гнали его вплоть до столкновения с главными силами крымского войска.

Ошеломленный этой атакой Девлет-Гирей вынужден был остановить поход. Двигаться дальше на Москву, оставляя за спиной, в незащищённом тылу, значительные силы русских, было опасно, и, хоть до Москвы оставалось несколько часов ходу, крымский хан принял решение развернуть армию с тем, чтобы дать бой русским. На это и рассчитывал Воротынский.

Опричники Дмитрия Хворостинина сошлись в лютой сече с основными силами ханского войска. Русские сражались отчаянно, и Девлет-Гирей вынужден был, разворачиваясь на марше, вводить в

бой всё больше своих частей. И вот, как показалось татарам, русские дрогнули и стали отходить. Замысел Воротынского состоял в том, чтобы, завязав бой, последующим ложным отступлением Хворостинин вынудил ханское войско преследовать его. Так и случилось. Воротынский на удобной возвышенности близ села Молоди развернул «гуляй-город». Передвижные стены на колесах использовались и раньше, например в Чехии, при восстании таборитов во главе с Яном Гусом (1419). Но русские укрепления были намного больше, это была передвижная крепость на колесах, созданная за считанные дни. Русские укрепления надёжно прикрывала река Рожайка. И они разместились на высоком холме.

30 июля отряд Хворостинина навел преследующие его силы Девлет-Гирея на ураганный огонь пушек и пищалей, расположившихся в «гуляй-городе» и у подножия холма русских отрядов. Началась настоящая мясорубка. Превосходящие силы крымцев раз за разом накатывались на полки русских, но пробить оборону не могли. Бой затянулся. К такому повороту событий Девлет-Гирей не был готов. 31 июля крымский хан бросил все силы на приступ «гуляй-города». Но тщетно. Девлет-Гирей понес огромные потери, в одной из атак погиб Тебердей-мурза, командир крымского авангарда. 1 августа штурм русских полков и «гуляй-города» возглавил Дивей-мурза — второй после крымско-

Битва при Молодах

го хана человек в войске, но и его атаки не дали результата. Более того, Дивей-мурза попал под удачную вылазку русских и во время погони был пленён суздальцем Темиром-Иваном Шибаетым. Схвачен был и один из сыновей хана. 2 августа Девлет-Гирей вновь направил лавину своих атак на «гуляй-город». Хан неожиданно приказал коннице спешиться и пешим строем вместе с турецкими янычарами идти на приступ «гуляй-города». Но русские всё так же стояли непреодолимой стеной. Изнывая от голода и жажды, русские ратники стояли насмерть который день подряд.

И тут Воротынский предпринял новый маневр. Во время боя большой полк, располагавшийся в

тылу, скрытно покинул «гуляй-город» и через ложину вышел в тыл к основным частям крымцев. Там он встал в боевое построение и стал ждать условного сигнала. И вот артиллерия ударила мощным залпом из «гуляй-города», и полк опричного князя-воеводы Дмитрия Хворостинина вышел из оборонительного рубежа и завязал бой. В это время большой полк князя Воротынского ударил в тыл татарско-турецкому войску. Завязалась лютая сеча. Враг счел, что к русским пришло мощное подкрепление, и дрогнул, впал в панику. Татарско-турецкое войско обратилось в бегство, оставляя на поле брани горы павших. В тот день помимо татарских воинов и ногайцев погибли почти все 7 тысяч турецких янычар. В том бою пал и второй сын Девлет-Гирея, а также его внук и зять. Девлет-Гирей бежал, а рассыпавшиеся остатки его войска русичи гнали до Оки и дальше. Возле переправы через Оку воины Воротынского перебили большинство бежавших, кроме того, был уничтожен двухтысячный крымский арьергард, задачей которого было прикрывать переправу остатков татарской армии. В Крым возвратилось не более 15 тысяч воинов.

После поражения Девлет-мурза, попав в гуляй-город и увидав, что русские голодали, даже ели слабых лошадей и пили их кровь, так как остались без воды, произнес: «Дураки мы, нужно было только подождать, не торопиться». Но в этом и состоит

величие наших полководцев, спровоцировавших врага на действия. И тактическая отсталость крымцев: военная наука не стоит на месте, и то, что было залогом победы 200 лет назад, стало причиной поражения во время Молодинской битвы.

В условиях непрекращавшейся войны на Западе Москва сумела отстоять свою самостоятельность и надолго устранила угрозу, исходившую от крымского ханства. Османская империя была вынуждена отказаться от планов вернуть среднее и нижнее Поволжье в сферу своих интересов, и эти регионы были закреплены за Москвой. Территории Астраханского и Казанского ханств теперь уже окончательно и навсегда вошли в состав России. Москва укрепила влияние на Юге и Востоке.

Пограничные укрепления на Дону и Десне были отведены на 300 километров к югу. Создались условия для мирного развития страны. Было положено начало освоению пахотных земель в чернозёмной зоне, ранее принадлежавших кочевникам Дикого поля.

Имена героев сражения при Молодях — воевод царя Ивана Грозного: князей Воротынского, Шуйского, Хованского и Одоевского, Хворостинина и Шереметева — в истории страны должны стоять рядом с именами Минина и Пожарского, Дмитрия Донского и Александра Невского.

Один из русских источников так сообщает об этом сражении: «И царь крымский послал ногай-

Борис Чориков. Царю Иоанну IV вручают трофеи, взятые у Девлет-Гирея князем Воротынским

ских и крымских татар двенадцать тысяч. И царевичи с татарами передовой государев полк обошли до большого полка, до гуляй-города, а как пробежали гуляй-город вправо, и в те поры боярин князь Михаиле Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полкам изо

всего наряду. И в том бою многих татар побили».

Девлет-Гирей — опаснейший соперник Москвы — умер в 1577 году. Да, крымцы и после этого не раз совершали набеги на русские земли — вплоть до XVIII века. Но это были локальные походы. А восстановить столь мощную армию им уже не удалось. Ханство поразил и демографический кризис: не хватало мужчин, слишком многие погибли под Москвой.

Некоторые диванные полководцы обвиняют Ивана Грозного в том, что его не было при защите Москвы в 1771 и при битве при Молодях. Так могут говорить только дилетанты. Высшее должностное лицо не должно подвергать страну опасности и идти в бой. Это только в ранних, неразвитых обществах лидеры постоянно вели своих воинов в битвы. Эти традиции сохранялись в Крымском ханстве. В развитых государствах есть специально обученные люди, полководцы. Да, иногда цари и императоры ведут сами армии в поход, и Иван водил войска на Казань. Но это скорее дань юности. А во время Молодинской битвы он оставался самодержцем, это было важнее.

Значение Молодинской битвы трудно переоценить. В русской истории оно стоит наравне с Куликовской, Полтавской, Бородинской. Но, к сожалению, массовое сознание помнит о ней хуже. И в этом еще одна историческая несправедливость, связанная со временами Ивана Грозного.

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ

Его имя осталось в истории России как определение ненастоящего, фальшивого правителя — эдакого, если воспользоваться образом Ильфа и Петрова, «зиц-председателя Фунта».

Это несправедливо. Симеон был видным политиком и полководцем своего времени, важным соратником Ивана Грозного. Родился он в семье знаменитого Бек-Булата, носившего титул султана Ногайской Орды. Бек-Булат был потомком Чингиз-хана, внуком хана Ахмата и союзником Ивана Грозного. Родился наш герой в исламской семье и первое его имя — Саин-Булат. Таковым он и поступил на службу к царю Ивану Васильевичу и стал касимовским ханом. Он приобщался к русской культуре, сохраняя и уважение к своим ордынским корням.

В июле 1573 года Саин-Булат крестился с именем Симеон. Его женой стала Анастасия Мстиславская, дочь князя Ивана Мстиславского, который в годы опричнины правил всей земщиной. Она, кроме прочего, была дальней родственницей царя. Так Симеон Бекбулатович и Иван Васильевич породнились.

Касимовский хан был храбрым воином и опытным полководцем, во многих сражениях он проявил доблесть, выполняя приказы царя. Командовал сторожевыми или передовыми полками, то есть занимал заметное положение в командовании. Знал победы и поражения. В любом случае он пришелся по душе Ивану Васильевичу.

А в 1575 году «по своему изволению» Иван Грозный венчал Симеона на «великое княжение» и вверил ему державу. Заметим, что титула царя Московского Грозный Симеону не вручил и на царство не венчал, хотя в народе Симеона Бекбулатовича стали называть царем. Таким его и запомнили.

Симеон председательствовал в думе земских бояр и издавал от своего имени правительственные указы. Жил Симеон в Москве, окружённый пышным двором, в то время как Грозный поселился в скромной обстановке на Петровке. В своих посланиях Симеону Иван Грозный соблюдал принятые уничижительные формулы обращения подданного к правителю: «Государю великому князю Семиону Бекбулатовичю всеа Руси Иванец Васильев с своими детишками, с Иванцом да с Федорцом, челом бьют». Конечно, в этом сказалась склонность Грозного к театральности. Но сказалось и доверие к Симеону Бекбулатовичу, в котором он видел верного человека, неспособного к предательству. Это в те военные годы цени-

Симеон Бекбулатович

лось необыкновенно. Фактическим правителем страны, конечно, оставался Иван Васильевич. Например, вопросами внешней политики занимался только он, без Симеона. Зачем же ему понадобился Симеон Бекбулатович на троне?

Один летописец передал слух, что Иван Грозный испугался предсказания: «волхвы ему сказали, что в том году будет... московскому царю смерть». Но это, конечно, только слухи.

Некоторые современники и историки утверждают, что причина была материального характера. Государство, вынужденное вести войну на несколько фронтов, нуждалось в финансах, в золоте. Где его взять? На Руси в те годы церковь была богаче государства, к тому же она постоянно получала крупные суммы и привилегии от самодержца и его приближенных. При этом материальную помощь сражавшейся армии игумены, бывшие настоящими олигархами того времени, не оказывали.

По приказу истинного царя Симеон конфисковал часть церковного имущества, не компрометируя Ивана Васильевича перед церковью. У ряда крупных монастырей были отобраны жалованные грамоты. Появились средства для пополнения парка артиллерии, для жалования стрельцам, которых требовалось всё больше.

Заодно Грозный демонстрировал Крымскому ханству, что в Москве есть и более родовитые чингизиды, чем крымские ханы...

Как и прежде, во времена опричнины, царство ненадолго разделилось на две части — великое княжение (владение Симеона) и государев удел (владение Ивана IV). Интересно отметить, что это нестандартное решение не вызвало возмущений ни в народе, ни со стороны знати.

Симеон Бекбулатович пробыл великим князем всея Руси 11 месяцев. В августе 1576 года Иван Ва-

сильевич вернулся на трон, а царя Симеона жаловал Великим княжеством Тверским с титулом великого князя Тверского. Грозный мог поступить с Симеоном так, как писал некогда Пересветов в своей «эпистоле», ссылаясь на опыт «турского салтана»: «Надобно возвести правителя высоко, да и пхнуть его в зашею на дол». Но царь был милостив к Симеону. Он стал вторым по значению аристократом Русского царства. И не только формально, но и по происхождению, и по положению при дворе. Симеон, стараниями царя Ивана Васильевича, стал крупнейшим землевладельцем, обладал богатым великокняжеским двором в Твери.

Он имел титул «слуги государева», то есть первого среди бояр. Такой же титул носил при Грозном только Михаил Воротынский, а при Фёдоре Ивановиче — Борис Годунов. Иван Васильевич не давал таких титулов «за просто так». Он видел в Симеоне верного друга, умного собеседника и опытного политика, умевшего мыслить стратегически. А потом Грозный скончался. После этого Симеон Бекбулатович редко появлялся в Москве.

В своей тверской резиденции Кушалино он тихо провел почти всё царствование Фёдора Ивановича, почти не вмешиваясь в большую политику. А после смерти Фёдора многие бояре — в том числе соратники Ивана Грозного — захотели видеть постаревшего Симеона на троне. Вокруг него сплотились те, кто опасался прихода к власти Бо-

риса Годунова. Как известно, в этой борьбе победил Борис. О том, как он опасался Бекбулатовича, говорит один факт. Во время присяги, целуя крест новому царю Борису Годунову, каждый боярин должен был обещать «царя Симеона Бекбулатовича и его детей и иного никого на Московское царство не хотети видети».

Мстительный Борис лишил Симеона большей части владений. Есть сведения, что по приказу Годунова чингизида ослепили. Француз Жак Маржерет, служивший сначала Годунову, а потом Лжедмитрию I, в мемуарах писал, что лично разговаривал с Симеоном Бекбулатовичем, и тот подтвердил, что ослеп, выпив вина, присланного от Годунова. Хотя, возможно, это произошло по возрасту, из-за болезней. В любом случае царь Борис боялся чингизида, считал, что он может претендовать на московский престол. В конце своего правления Годунов сослал Симеона в северные края. В преклонном возрасте он стал весьма набожным, почти все свои деньги раздал монастырям.

Начиналось Смутное время. Симеон Бекбулатович не мечтал о царской власти, но те, кто боролся за власть в Москве, опасались его. По приказу Лжедмитрия I престарелого Симеона постригли в иноки под именем старца Стефана в Кирилло-Белозерском монастыре. Ставший царем Василий Шуйский приказал сослать его на Соловки. Симеон посылал в столицу грамоты с

просьбой вернуть его в Кирилло-Белозерский монастырь, но Шуйский почему-то побаивался его. В 1612 году Симеона вернули в Кириллов, а после воцарения Михаила Фёдоровича Романова — даже в Москву. Слепой старик оказался в свите первого царя Романова. Умер он в январе 1616 года и был похоронен рядом с супругой в Симоновом монастыре. На надгробии была надпись: «Лета 7124 году генваря в 5 день преставился раб Божий царь Симеон Бекбулатович во иноцех схимник Стефан». Современники (в том числе и младшие) помнили о месяцах его «царствования» и уважали Симеона Бекбулатовича — одного из учеников и соратников Ивана Грозного.

БОРАТНИКИ ЦАРЯ

Иван Васильевич практически никогда не действовал в одиночку — в особенности, когда нужно было принимать главные решения. Да и иначе в большой политике и невозможно! Грозный не был изгоем, умел работать в команде, умел собирать действенную команду соратников. Важно, что при этом царь — человек властный и своенравный — руководствовался личными качествами людей, а не их происхождением. Для того времени это было редкостью. Поэтому имеет смысл рассказать о нескольких выдающихся людях того времени — об учителях и учениках нашего первого царя.

Митрополит Макарий

И первым в этом ряду по праву следует упомянуть митрополита Макария. Будущий митрополит родился в Москве, около 1482 года, в семье образованной, но не священнической. Нарекли его Михаилом. Но его отец рано скончался — и мать, скорбя по любимому, ушла в монастырь. Монашеский путь избрал для себя и Михаил, стал послушником Пафнутьева монастыря Рождества Пресвятой Богородицы в Боровске. Проявил себя

Митрополит Макарий

как последовательный сторонник Иосифа Волоцкого, к тому же стал одним из самых образованных русских монахов. В 1523 году Макарий стал игуменом Лужецкого Богородицкого монастыря в Можайске, а через три года ему доверили митрополичью кафедру в мятежном Новгороде Великом. Главной его задачей было введение строгих уставов в новгородских монастырях. И — изучение книг. Макарий участвовал в составлении нового Владычного летописного свода.

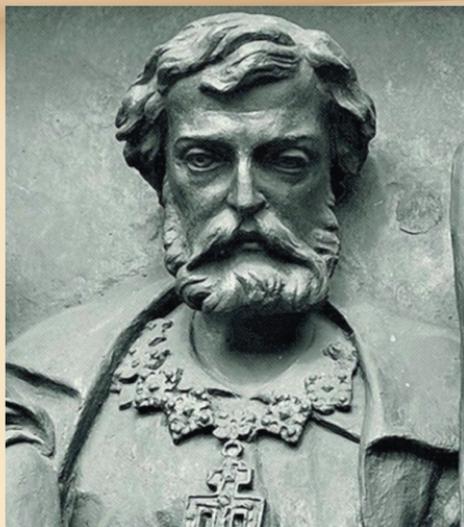
В 1542 году митрополита призвали в Москву — и он возглавил всю русскую церковь. Было это во время всевластия бояр Шуйских. Они надеялись, что и он станет их сторонником. Но Макарий неожиданно стал главной опорой малолетнего великого князя Ивана. Он сделал всё для того, чтобы Иван отстранил Шуйских и взял власть в свои руки. К тому же Макарий стал его воспитателем, развивал склонность Ивана к чтению, к изучению истории. Убеждал будущего царя в его великой миссии правителя Третьего Рима, последнего оплота православия. Макарий был инициатором его венчания на царство.

Макарий способствовал канонизации многих новых русских святых, чем укреплял авторитет Церкви в народе. Под его руководством состоялось три церковных собора, включая знаменитый Стоглав, укрепивший, с помощью митрополита, влияние царя на церковь.

Грозный относился к нему с неизменным уважением. Когда престарелый Макарий просил отпустить его на покой, в Пафнутьев монастырь, царь лично на коленях умолял его не оставлять митрополичью кафедру. Митрополит согласился, но был уже неизлечимо болен. В первый день 1564 года он скончался. Эта потеря для Грозного была сравнима с потерей первой супруги и сына Ивана. Долго он оплакивал своего духовного учителя и политического советчика.

Алексей Адашев

Имя Алексея Федоровича Адашева — одно из самых знаменитых в нашей истории. Его фигура, в отличие от фигуры Ивана Грозного, изображена на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде Великом. Он происходил из знатных костромских дворян. В 1538—1539 годах его отец Федор Адашев выполнял важную миссию — возглавлял русское посольство к турецкому султану. Неудивительно, что его сыновья — Алексей и Даниил — смогли получить высокое место при дворе молодого Ивана IV. Юный царь доверил им обязанности постельничьего и мовчего на своей первой свадьбе в 1547 году. Сам Алексей был тогда уже, по меркам того времени, не молод — ему шел 37 год, и Грозный уважал его, прислушивался к его советам. Царь особенно ценил образованность Адашева, его начитанность.

Алексей Адашев.
Фрагмент памятника
«Тысячелетие
России» в Новгороде
Великом

Во время войны с Казанским ханством он выполнял дипломатические поручения: в военных делах Адашев был не силен.

С Адашевым Грозный обсуждал такие свои решения, как принятие нового Судебника и Стоглава (свода церковных правил), введение земского суда и самоуправления, формирование стрелецкого войска. Однако в исторической литературе роль Адашева в этих реформах явно преувеличивается — чтобы не «выпячивать» ключевую роль царя.

В годы своего наивысшего дружеского влияния на самодержца Адашев получил в свои руки вопросы внешних сношений, ведя переговоры с прибывавшими в Москву послами разных держав.

Он же руководил составлением официальной Разрядной книги и «Государева летописца».

Охлаждение царя к Адашевым и их другу попу Сильвестру началось после смерти царицы Анастасии. Виной тому — сближение Сильвестра с Владимиром Старицким как с конкурентом царя. Иван Васильевич не мог стерпеть такого предательства. В 1560 году царь послал Алексея Адашева воеводой в Ливонию, хотя никогда раньше тот не командовал войском. Алексей заболел и умер в Дерпте, чувствуя приближение опалы.

Он был осторожным и мудрым политиком, но не вписывался в новую государственную концепцию Грозного, связанную с опричниной. Грозный, скорее всего, тяжело переживал колебания Адашева, которого считал своим другом. Воспринимал их как предательство. Ряд родственников бывшего царского друга были казнены. Их имена есть в Синодике.

Михаил Воротынский

Михаил Иванович Воротынский был талантливейшим полководцем эпохи Ивана Грозного. Он принадлежал в верхнеокскому княжескому роду. Рюрикович в XXI колене. В 1534 году, когда великий князь Иван был еще младенцем, отец будущего полководца вместе со своими тремя сыновьями был арестован, лишён своего удела и отправлен в

Михаил Воротынский.
Фрагмент памятника
«Тысячелетие России»
в Новгороде Великом

ссылку на Белоозеро. Был одним из командующих во время казанских походов: в 1547 году — воевода полка правой руки, в 1549 году — воевода левой руки, в 1552 году — второй воевода большого полка. Один из главных героев взятия Казани.

После присоединения Казанского ханства был воеводой в Свияжске, по сути, занимался присоединением этой земли к Русскому царству. В 1562 году, после поражения от крымцев в районе Мценска, попал в опалу. Его, как некогда отца, сослали в Белоозеро. Но вскоре был прощён, полу-

чил боярское звание, принимал участие в делах опричнины. В 1570—1571 годах по приказу царя подготовил «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», ставший основой пограничной службы в нашей стране. В 1571 году героически проявил себя в победной битве при Молодях, разгромив лучшие силы крымских татар, угрожавших Москве. Умер 12 июня 1573 года и был похоронен в городе Кашине. Маловероятно, что Воротынский стал жертвой царского гнева. Его старший сын Иван в год смерти отца был назначен воеводой в Муром.

Талантливый полководец, представитель старой знати, видимо, не пользовался абсолютным доверием царя. Но Грозный уважал его талант военачальника и использовал там, где было трудно.

Алексей Басманов

Он был представителем древнего рода, который, однако, не входил в число самых влиятельных. И Басманову пришлось добывать себе славу и положение мечом и воинским искусством. Ко времени взятия Казани он был уже опытным воином, принял участие в нескольких кампаниях. А в Казани отличился отвагой и умением поднимать за собой воинов. Царь оценил это. Басманов стал окольничьим. Иван Васильевич смело выдвигал храбрецов, достойных воевод.

Алексей Басманов. Кадр из фильма «Иван Грозный» (1944 г.)

Позже Басманову поручались самые трудные военные задания. В 1555 году, в битве при Судбищах, во главе семитысячной армии, в течение полутора суток отражал натиск 60-тысячной армии крымского хана Девлет-Гирея. За этот подвиг стал боярином. В Ливонской войне проявил себя наилучшим образом. Взял штурмом Нарву, участвовал в осаде Полоцка. Организовал оборону Рязани от крымских татар, разбил несколько их отрядов. Сопровождал царя Ивана Грозного при его отъезде в Александровскую слободу в декабре 1564 года. Был одним из инициаторов введения

опричнины, руководил опричным войском. Его сын Фёдор также стал одним из приближенных Грозного и одним из главных деятелей опричнины. Но после безграничного доверия Басмановым довелось изведать и гнев царя.

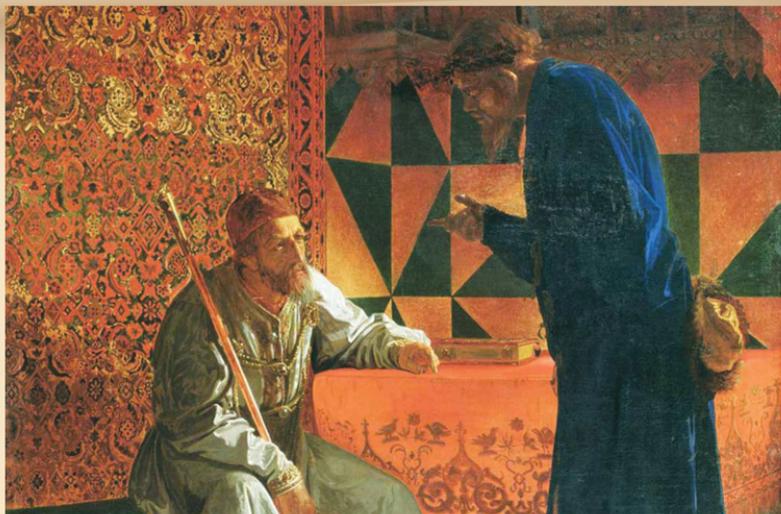
Зимой 1569–1570 годов его обвинили в подготовке сдачи Новгорода и Пскова под власть польского короля Сигизмунда Августа. Вскоре Алексея Басманова казнили. Скорее всего, он пал жертвой излишней подозрительности царя в трудных условиях.

В Синодике опальных Ивана Грозного значится боярин Алексей Басманов и его младший сын Пётр, Фёдор же был отправлен в ссылку.

Малюта Скуратов

В историю он вошёл не под настоящим именем — Григорий Бельский, а под прозвищем Малюта, данным ему толи из-за малого роста, толи из-за его же присказки «молю тя...». Фамилия Скуратов тоже придуманная: Григорий-Малюта получил её «в наследство» от отца — Лукьяна Бельского по прозвищу Скурат, которое обозначало вытертую замшу. Филолог Александр Панченко предположил, что Скуратова-старшего называли так из-за плохой, болезненной кожи.

Бытует популярная точка зрения, будто Григорий Бельский стал едва ли не создателем оприч-

Григорий Седов. Иван Грозный и Малюта Скуратов

нины и её «идейным вдохновителем». На самом деле к появлению опричнины Малюта не имел никакого отношения, более того — он прошёл все её ступени начиная с низшей позиции. Его род не принадлежал к числу выдающихся и известных фамилий, поэтому ключевых постов Григорий Бельский долгое время не занимал, а в источниках впервые упоминается только в 1567 году (то есть через два года после учреждения опричнины) в связи с событиями Ливонской войны. Со временем, однако, он смог приблизиться к Ивану IV и стать одним из его наиболее близких советников — Малюта возглавил в опричнине сыскную службу.

В 1569 году Скуратов-Бельский вёл следствие против двоюродного брата царя Ивана IV — удельного князя Владимира Старицкого, подозревавшегося в измене. Дело строилось вокруг показаний царского повара Молявы, который признался в подготовке отравления Ивана IV по наущению Владимира Старицкого. В качестве доказательства был предъявлен яд в виде порошка, обнаруженный у Молявы, и 50 рублей, выданных как «вознаграждение» за цареубийство. В октябре 1569 года князя Владимира Старицкого вызвали в Александрову слободу и при подъезде к ней арестовали.

С тех пор Малюта стал еще ближе к царю. Грозный доверял ему, видел в нем искреннего преданного друга. Малюта сыграл ведущую роль в организации похода против Новгорода и Пскова, так как жителей этих городов заподозрили в симпатиях к польскому королю и желании перейти под власть Речи Посполитой. В народе его побаивались, о чем свидетельствует пословица, связанная с известным опричником: «Не так страшен царь, как его Малюта». Это неудивительно, ведь он возглавлял самую суровую службу — сыска, в том числе тайного. Малюта считал это суровое дело своей обязанностью перед царем.

После упразднения опричнины Григорий Бельский-Скуратов уцелел и своих позиций при дворе Ивана IV не утратил. Он даже был дружкой

на царской свадьбе, когда Иван женился на Марфе Собакиной, дальней родственнице Малюты. Царь доверял ему дипломатические переговоры с Крымом и Речью Посполитой, а затем назначил командовать государевым полком в продолжавшейся Ливонской войне.

В Ливонии во время штурма крепости Вейсенштейн (сегодня это город Пайде в Эстонии) Малюта Скуратов шёл во главе войска. 1 января 1573 года его смертельно ранили. Царь оплакивал его. На помин его души Иван IV дал 150 рублей — сумму, огромную по тем временам. Местом захоронения Скуратова считается Иосифо-Волоколамский монастырь, хотя могила не сохранилась. Согласно альтернативной версии, он похоронен в Москве, в фамильном склепе в церкви Святого Антипия на Колымажном дворе, в приходе которой располагался его дом. Каменный храм, сохранившийся до наших дней, имел два престола: главный, во имя святого Антипия, и в приделе в честь святого Григория Декаполита — святого покровителя Григория Бельского.

После гибели Малюты его вдова получала пожизненную пенсию, что явилось уникальным случаем в истории России XVI века. Сыновей у Бельского-Скуратова не было, однако родились три дочери, каждой из которых устроили выгодный брак. Старшая стала женой Ивана Глинского — двоюродного брата Ивана IV по мате-

ринской линии. Другая, Мария, вышла замуж за Бориса Годунова, впоследствии стала царицей и была убита сторонниками Лжедмитрия I. Третья дочь Малюты, Екатерина, стала женой Дмитрия Шуйского.

Борис Годунов

Род Годуновых происходил из Костромы от местного боярина Дмитрия Зерно. Отец Бориса был помещиком средней руки. Будущий царь родился в Вязьме, в 1552 году. Он возвысился не благодаря происхождению, а из-за личных качеств. В 1570-м юный Борис стал опричником, а в 1571-м дружкой на свадьбе царя Ивана Грозного с Марфой Собакиной. В том же году Борис сам женился на Марии Григорьевне Скуратовой-Бельской, дочери Малюты Скуратова. Царь увидел в нем родственную душу. Годунов был разумен, хитер, увлекался книгами, имел вкус к талантливой архитектуре и церковному пению.

Вскоре Иван Грозный пожаловал Бориса званием боярина. Его сестра Ирина стала женой царевича Федора — причем женой любимой. В последний год жизни царя Борис Годунов — прирожденный политик — обрёл большое влияние при дворе, по сути, стал первым министром при Грозном. Его влияние укрепилось и после смерти

Илья Репин. Борис Годунов у Ивана Гроного

нашего первого царя, когда, будучи доверенным лицом царя Фёдора, он сумел отдалить всех конкурентов и стал правителем державы, а после смерти Фёдора — и царём. Дальнейшее известно — и с деятельностью царя Ивана Васильевича уже не связано.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И СИБИРЬ

Заслуги Ивана Васильевича в присоединении и освоении огромной Сибири, как правило, забываются. Мы помним имя только казачьего воинского командира — атамана Ермака. Справедливо ли это? Именно при Грозном Русской царство стало континентальной державой.

Это первый вопрос, связанный с покорением Сибири. Но есть и второй, не менее важный. Грозного нередко считают деспотом, маниакально сосредоточенным на расширении личной власти и подавлении инициативы соратников. История освоения и покорения Урала и Сибирского ханства опровергает эти представления. Он побеждал, делая ставку на людей сильных, инициативных и предприимчивых. Таких как Строгановы и Ермак. Но этот список можно и продолжить. В 1584 году несколько сотен донских и волжских казаков захватили земли Ногайской Орды вдоль реки Яик. Их атаманами были Богдан Барабош и Матвей Мещеряк. Кем они были? Малоуправляемые вольные люди, своего рода речные пираты. Они не слишком подчинялись власти. Но царь использовал их энергию на пользу стране. Их товарищем

был и Иван Кольцо — будущий сподвижник Ермака. Царь не боялся их — наоборот, наделял их привилегиями, помогал им. А они помогали царству.

Огромное, но малозаселенное Сибирское ханство возникло, как мы уже знаем, после распада Золотой Орды. Границы ханства простирались от восточных склонов Уральского хребта, захватывая бассейны Оби и Иртыша. На юго-западе оно граничило с Ногайской Ордой в районе реки Уфы, на Урале — с Казанским ханством, на северо-западе по рекам Чусовой и Утке оно граничило с Пермью. К северу его граница тянулась до самого Обского залива; на севере от Обского залива восточная граница Сибирского ханства шла по рекам Надим и Пим к городу Сургут, а затем поворачивала к югу по реке Иртыш; в районе реки Обь несколько уходила к востоку от Иртыша, охватывая Барабинскую степь. На юге Сибирское ханство в верховьях рек Ишим и Тобол граничило с Ногайской Ордой.

Его столица изначально располагалась в Чинги-Тура (рядом с современной Тюменью), а позже в городе Кашлык (неподалеку от современного Тобольска). Государственный язык был тюркский, но местные племена продолжали говорить на своих наречиях. Татаро-монгольской, как и в Казанском царстве, была только военно-политическая верхушка. Остальные были чужды им и этнически, и по традициям. Религия — ислам, но во

многих регионах был распространен шаманизм и другие языческие верования.

Еще дед Ивана Грозного Иван III предпринял несколько попыток походов в Западную Сибирь. В 1483 году он подчинил себе племя югров. Но закрепить на пространствах Сибири и подчинить ханство не сумел. Иван Грозный всегда помнил об этом.

Поэтому, сразу после подписания перемирия с поляками, Иван Грозный приказал готовить новый поход на восток, за Уральские горы. Возглавить его должен был казацкий предводитель Ермак Тимофеевич, хорошо проявивший себя в войнах на Балтике. Грозный ценил казаков и как больших мастеров плавания по рекам.

Грозный считал себя законным правителем Сибири. Дело в том, что еще в 1555 году тогдашний хан Сибири Едигер, опасаясь, что, завоевав Казань и Астрахань, русские двинутся в его владения, принял подданство Московского царства. То есть стал вассалом Ивана Васильевича. При этом русские не послали в Сибирь воинов. Через восемь лет его брат Кучум совершил переворот и отказался признавать главенство Московского царя. Был он человеком решительным и воинственным. Последнюю дань в 1000 соболей привез в Москву посол Кучума Таймас в 1571 году. А потом ханство стало совершать набеги на уральские поселения русских купцов. В 1573 году родствен-

ник Кучума царевич Маметкул перебил многих остяков, плативших дань Москве, захватил и убил царского посла Третьяка Чебукова. После заключения перемирия с поляками можно было прекратить эту практику.

Иван Грозный всегда считал Сибирь территорией Московского царства — в 1563 году в грамоте польскому королю Сигизмунду он называл себя царем «Удорским, Кондинским и всея Сибири».

Кроме царя, это решение поддержали и развили Строгановы — мощная купеческая династия, опора Москвы на Урале. Царь ценил их за предприимчивость, за умение рисковать и побеждать, а также за то, что они доставляли к царскому двору соболей и другие диковинные меха. Именно к ним были обращены царские грамоты с указами организовать поход против Кучума.

Когда-то Иван Грозный заметил солепромышленника Анику Строганова — крупнейшего купца в Сольвычегодске. Царь понимал, что с помощью таких людей можно расширять границы государства, почти бескровно подчинять народы. В 1574 года Иван Грозный, вызвав купцов в Александровскую слободу, пожаловал Строгановым земли по сибирской реке Чусовой.

Строгановы играли в этом регионе важнейшую роль. Царь дал им многие привилегии и даже позволял содержать свои стрелецкие войска. Но противостоят набегам сибирских князьков

Карта похода Ермака

сил у них не хватало. Строгановы решили, что надо нанять людей умелых в ратном деле, которые смогут защитить границу и захватить новые территории. Летом 1580 года на пермские земли напал зауральский мурза Бегбелий, но был разбит, взят в плен и отпущен под обязательство перейти в подданство Москвы. Но главные события были впереди...

Узнав о подготовке похода русских войск за Урал, Кучум собрал десятитысячную армию, в которую вошли представители разных народов Сибири.

Кем был Ермак? Для истории — фигура не менее грандиозная, чем Колумб. Тот прорвался в Америку, а Ермак — в Сибирь. Это не менее важно.

Ермак возглавлял небольшой, но хорошо вооруженный (благодаря стараниям Строгановых) отряд. Их было примерно 840 человек. Главным образом — опытные воины и волжские казаки, как и сам атаман. Род Ермака происходил из Суздальской земли. Его дед, Афанасий Григорьев Аленин, «от хлебной скудости» переселился во Владимир, где и воспитал двух сыновей своих — Родиона и Тимофея, кормился извозом и нанимался даже у разбойников: за что некоторое время сидел в тюрьме, но бежал из нее с семейством в Юрьевец Поволжский, где и умер. Сыновья же его «от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы». Один из сыновей Тимофея Аленина ходил на стругах у Строгановых по Каме и Волге, но потом ушел на волю, собрал небольшую дружину и стал казаком. Товарищи избрали его своим атаманом и прозвали Ермаком. Сказители не случайно сравнивали Ермака с Ильей Муромцем. Его воинская биография вызывает огромное уважение.

Он участвовал в битве при Молодях — в отряде донского атамана Михаила Черкашенина. Громил крымскую конницу.

На Ливонской войне он командовал казачьей сотней. Под командованием известного воеводы Дмитрия Хворостинина участвовал в 1581 году в успешном рейде на Литву, дошел вниз по Днепру до Могилёва и отличился в битве под Шкловом.

Ермак Тимофеевич. Портрет XVII века

Он участвовал в снятии осады Пскова, а после — в битве под Лялицами в феврале 1582 года, когда русское войско во главе с Хворостининым остановило продвижение шведов. После войны неутомимый Ермак возглавил отряд ушкуйников, которые действовали на Волге. Посылая его в Сибирь, государство решало две задачи: и снабжало Строга-

новых отменным войском, и предотвращало грабежи купеческих караванов на Волге.

К началу сибирского похода Ермак был опытейшим воином и командиром, которого даже буйные казаки слушались беспрекословно. Кстати, Барабош и Мещеряк идти в Сибирь отказались, а Иван Кольцо стал правой рукой Ермака. Это показывает, что казаков обуревали различные настроения. Многие из них чурались государственной службы, но Ермак был, по сути, царским воином — и потому достиг великой славы.

Продвигаясь на восток — то по реке Чусовой, то через заросшие перелески, они создали там первое русское поселение — Кокуй-городок.

Первая серьезная битва состоялась в августе 1582 года на берегу реки Тобол. Войска Ермака наголову разбили Маметкула, наместника хана Кучума. После боя, прорвавшись через железные цепи, натянутые татарами поперек реки, герои последовали дальше. Новый крупный бой произошел у поселения Бабасановые юрты, татары «вдашася бегству». В августе отряды Ермака совершили поход вверх по притоку Тобола — Тавде, вернувшись через месяц назад. 8 сентября казаки взяли городок мурзы Карачи, находившийся в 70 километрах от столицы Кучумова ханства Искера. Получив от Строгановых подкрепление из 300 человек, приведенных Иваном Кольцо, 14 сентября 1582 года казаки взяли прикрывавший Кашлык городок Атик.

В ноябре войска Ермака вошли в Кашлык. По некоторым данным, татары сдали город без боя. По другой версии, Ермаку удалось взять столицу штурмом только со второго раза. Но вскоре жители города и окрестностей стали приносить Ермаку дары, выказывая почтение воинскому вождю и русскому царю. Многие племена постепенно присягали на верность царю. В конце 1582 года к царю прибыл посланник Ермака — Иван Кольцо, который сообщил Грозному об успехах похода, а также попросил подкрепления для полного разгрома Сибирского ханства. Иван Васильевич одобрил поход Ермака и послал в Сибирь оружие, жалование и подкрепление — отряд стрельцов. Среди подарков, которые достались Ермаку от самодержца, как говорится в некоторых источниках, были и две кольчуги. Считается, что одна из них принадлежала князю Петру Ивановичу Шуйскому, герою Казанского похода 1550 года. В помощь Ермаку в мае 1583 года по царскому указу из Москвы в Сибирь вышли 300 стрельцов с князем Семеном Болховским, пришедшим к атаману в ноябре 1584 года.

В 1583 году войска Ермака нанесли поражение хану Кучуму на реке Вагае, а его племянника Маметкула и вовсе взяли в плен. Сам хан сбежал на территорию Ишимской степи, откуда периодически продолжал совершать нападения на земли России.

Василий Суриков. Покорение Сибири Ермаком

В середине марта 1585 года Искер был окружен конницей претендента на ханский престол мурзы Карачи, который выманил обманом и перебил во сне 40 казаков Ермака. Русские воины прорвали блокаду и 12 июня 1585 года отбросили татар, сам «Карача с тремя человеки за озеро убежал».

Война стала напоминать партизанскую, войска хана Кучума совершали небольшие набеги на отдельные русские отряды. Во время одного из таких набегов в 1585 году в неравном бою погиб Ермак. Но к тому времени вся западная часть Сибири была включена в состав царства Ивана Грозного.

Царь направил в Сибирь новые казачьи и стрелецкие части, Кучум был окончательно разбит, а

впоследствии казнён ногайцами. В Сибирь прибывали новые царские отряды. С осени 1585 года там успешно действовал московский отряд воеводы Мансурова. Строгановы активно участвовали в присоединения Сибири к Московскому царству, давая людей, продовольствие — «запас» и вооружение царским войскам. Но они были проводниками идей Ивана Грозного. Инициативными, но именно проводниками.

По царскому приказу в Сибири были основаны первые постоянные крупные поселения: Тюмень, Тобольск, Сургут.

Русское царство стало крупнейшим по территории государством мира. Небозримые богатства Сибири стали служить нашему народу и его царю.

ПРИПИСАННЫЕ УБИЙСТВА

Изучая историю, мы не раз натыкались на сюжеты, в которых Грозному приписывались те или иные злодеяния, убийства. А его «жертвы» позже оказывались живыми или умирали ненасильственной смертью. Так было с архитектором Бармой Яковлевым. Отдельно мы хотели бы разобрать два случая: с боярином Михайло Репниным и митрополитом Филиппом (Колычевым). В убийстве этих выдающихся людей часто и бездоказательно обвиняют Грозного.

Михайло Петрович Репнин был человеком весьма родовитым. Княжеский род Репниных восходит к Михаилу Всеволодовичу — великому князю Киевскому, который, в свою очередь, был сыном князя Михаила Черниговского, загубленного Батыем за отказ пройти через языческий обряд. Таким образом, прародитель Репниных давным-давно был причислен к лику святых. А его матерью и праматерью рода была дочь польского короля Казимира II. На гербе Репниных можно разглядеть ангела. И это неспроста! Знатоки геральдики понимали, что это означает преемственность от великих князей киевских. Род Репниных веками

не иссякал и не меркнул в русской истории. Вот и Михайло Репнина Иван Грозный приблизил к себе еще в юности, до того, как венчался на царство. Он любил поговорить с ним: Репнин, как и будущий царь, знал толк в богословии и мог с достоинством поддержать беседу о высоких материях. Князь присутствовал на свадьбе юного Ивана Васильевича с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой — первой и любимой женой знаменитого самодержца. Он в тот день выполнял самую почетную миссию: охранял постель молодоженов от бесовского сглаза.

Рослый, сильный князь во всех военных походах находился рядом с царем — как доверенное лицо и телохранитель. Как воевода, он прославился в первых — самых удачных для русского воинства — сражениях Ливонской войны. Ратники Михайло Репнина громили немецких рыцарей, захватывая крепость за крепостью. Царь был доволен своим верным вассалом, хотя Репнин славился и прямодушным, непреклонным характером. Он уважал царя, но не готов был льстить и пресмыкаться даже перед ним. До поры, до времени Ивана Васильевича это устраивало — и он считал Репнина одним из ближайших своих соратников.

Князь был надежен. Это важнейшее качество для воеводы в годы, когда сражаться приходилось непрерывно. Он доблестно выполнял всё, что ему поручал царь — подчас невзирая на ранения.

Иван Грозный был личностью артистической, жил и мыслил неординарно. Репнин же свято чтит обычаи суровой старины — и, например, терпеть не мог скоморохов. Он считал их бесовским отродьем и, будучи человеком набожным, старался избегать...

В 1565 году царь позвал своего старого друга Репнина на «почестен пир». Его главными героями стали новые — молодые — любимцы царя. Скорее всего, уже это вызывало раздражение поседевшего в боях бородача Репнина. Наконец, пир проходил в маскарадном стиле. Все кутилы, включая самого царя-батюшку, надевали личины. К тому же, скорее всего, их развлекали скоморохи.

Традиции надевать маски пришли в Москву, скорее всего, от «фряжских гостей» — то есть из Италии. Уж они-то знали толк в карнавалах. «Мошкара», «личины» — так называли в наших краях маски, напоминавшие венецианские.

И вот узорчатую маску дали и Репнину, пришедшему на царский пир. Он отказался ее надевать. Тогда, под общие смешки, личину напялили на князя силком. Он впал в гнев, растолкал опричников, снял маску и растоптал ее. Свой гнев он обрушил не только на царских слуг — это было бы еще терпимо, но и на самого монарха. «Христианскому царю сие непристойно», — так он припечатал яростного Ивана Васильевича. Но Грозный сам надел на него маску: «Веселись с нами». Репнин и тогда не

Константин Маковский. Князь Репнин на пиру
у Ивана Грозного

смирился. Отбросил личину: «Не бывать, чтобы я, боярин, стал безумствовать и бесчинствовать!»

А дальше начинается фальшивая легенда — о том, что опричники, по приказу царя, убили Репнина прямо на пиру.

Его убили, как минимум, через несколько недель после того пира (дата его, кстати, не установлена). И не по приказу царя. Убили в церкви, во время чтения Евангелия, скорее всего разбойники или люди, которым было за что отомстить боярину. А Грозный казнил бы его официально, как царского врага. Никаких свидетельств против Ивана Васильевича в данном случае нет. Кстати,

возможен и несчастный случай, который приняли за убийство... В любом случае участие царя в этом злодеянии не доказано, а презумпцию невиновности никто не отменял.

Теперь поговорим о митрополите Филиппе. Он принадлежал к боярскому роду Колычевых. Служил при дворе Василия III и юного Ивана Грозного. Они, судя по всему, дружили. Колычевы участвовали в бунте Старицких против Елены Глинской — матери Грозного, тогда еще отрока. Род попал в опалу.

Считается, что после этого будущий митрополит тайно покинул Москву и принял монашеский сан. Было тогда ему уже под тридцать, а Ивану Грозному — восемь лет. Прослужив восемь лет в Соловецком монастыре, он стал его игуменом. При нём, с помощью царя, Соловецкий монастырь стал промышленным и культурным центром Северного Поморья. Строились каменные соборы, отливались колокола. Филипп явно пользовался покровительством Ивана Васильевича. Иван IV пожаловал монастырю волость Колежму с солеварнями, угодьями и всеми оброками, остров на реке Суме с тремя дворами и ряд других деревень.

В 1566 году Иван Васильевич предложил ему занять московскую митрополичью кафедру. Видимо, считал его верным человеком. В 1567 году митрополит Филипп созвал церковный собор, в

Яков Турлыгин. Митрополит Филипп и Иоанн Грозный

заседаниях которого принял участие царь Иван IV. Они не конфликтовали.

Летом 1567 года царские слуги перехватили письма польского короля и литовского гетмана к очень влиятельным боярам, в современном понимании олигархам, с предложением идти под Литву. Это была государственная измена, которая грозила страшными последствиями для Русского царства. Начался розыск виновных, затем последовали казни. Митрополит Филипп, понимая всю сложность ситуации, поддержал политику госу-

даря, хотя и ходатайствовал о смягчении участи преступников. Он видел, что некоторые архиереи и священники молчаливо сочувствуют изменникам. По-видимому, он вел себя двойственно: в нем говорили и старинные боярские амбиции, и симпатии к царю.

Поэтому его проповедь 22 марта 1568 года в московском Успенском соборе воспринимают то как протест против опричнины и политики царя, то как поддержку Грозного. Он говорил:

«На то ли собрались вы, отцы и братия, чтобы молчать, страшась вымолвить Истину? Никакой сан мира сего не избавит нас от мук вечных, если преступим заповедь Христову и забудем наш долг печься о благочестии Благоверного Царя, о мире и благоденствии православного христианства».

Наш старший современник, митрополит Иоанн Снычев в своей книге «Русская Симфония» пишет, что «как правило, эти слова Святителя Филиппа толкуются в том смысле, что он призывал пастырей, покорных Царской воле, восстать против опричнины. В самом тексте речи на такое её значение нет и намёка. Если уж говорить о «строго научном подходе», то нет вообще никаких доказательств, что многочисленные «обличительные» речи митрополита, приводимые в различных его житиях, были им вообще когда-либо произнесены».

Видимо, деятельность митрополита не устраивала многих влиятельных архиереев — скорее

всего, он, будучи грамотным и въедливым руководителем, пресекал их корыстолюбие.

Группа неприятелей Филиппа задумала интригу против него. Это новгородский архиепископ Пимен, епископ Пафнутий Суздальский, архимандрит Феодосий и князь Василий Темкин. Они льстивыми словами, угрозами и деньгами склонили к лжесвидетельству некоторых соловецких монахов, в том числе и их игумена Паисия — ученика Филиппа. В Москве они учинили судилище над митрополитом. На нем Филиппа приговорили к смерти, но царь сразу же отменил этот несправедливый приговор. Он просто решил временно отстранить митрополита до выяснения всех обстоятельств этого запутанного дела. Надо было всё проверить и выяснить, кто по настоящему замешан как в государственной измене, так и в лживых наветах на архиерея.

Филиппа отправили на покой в московский монастырь Николы Старого, где на его содержание Грозный повелел выделять из казны четыре алтына в день — немалые по тем временам деньги. Позже врагам митрополита удалось удалить его в тверской Отрочь Успенский монастырь, подальше от царя.

В декабре 1569 года Иван Васильевич с войском двинулся на Новгород, для того, чтобы искоренить измену и уничтожить ересь жидовствующих. Могли открыться связи новгородских предателей,

среди которых центральное место, скорее всего, занимал архиепископ Пимен, с московской боярской кликой, замешанной в деле смещения владыки Филиппа с митрополии. Филипп для них был опаснейшим свидетелем. Его решили убить сразу, не откладывая, так как понимали, что Грозный близко.

Иван приказал своему верному опричнику Малюте Скуратову найти Филиппа, но тот застал его уже убиенным и сразу, не откладывая, ускакал, чтобы доложить об этом царю. Вот тут-то на него и повесили то, чего он не делал. Клевета начинает распространяться вместе с «Житием Святителя Филиппа», которое больше похоже на сказку, чем на исторический источник.

Вот вам куда более достоверная версия убийства Филиппа, чем та, к которой привыкли ненавистники Грозного.

Подтверждение тому — и отсутствие имени митрополита в царском Синодике. Уж такая важная персона обязательно попала бы туда, если бы Грозный чувствовал свою вину в его гибели.

УБИВАЛ ЛИ ЦАРЬ СВОЕГО СЫНА?

В длинной череде мнимых злодейств, которые приписывают Ивану Васильевичу, самым чудовищным, без сомнения, является убийство сына. Да, в приступе гнева, но — без серьезных на то причин. Страшное злодейство! Этой фальшивой легенде поверил и великий художник Илья Репин, создавший полотно «Иван Грозный и сын его Иван». Но, между прочим, и на этой картине Грозный не убивает сына. А лишь оплакивает его, умершего — скорее всего, от несчастного случая. В этом смысле картина правдива, а злая молва о сыноубийстве — глубоко фальшива. И вот почему.

Иван Иванович был любимым сыном первого русского царя. Именно с его рождением связано возникновение в царской семье обычая писать мерные иконы царевичей — традиция, очень важная для православного мировоззрения. Мерную икону создавали ко дню крещения царевичей. Такая икона была узкой по ширине, а по высоте соответствовала росту младенца и на ней изображали небесного покровителя царского сына.

Царь считал Ивана Ивановича продолжателем своего дела, гордился тем, что сын носит

его — царское — имя. Во многом сын Грозного и его любимой жены Анастасии пошел в отца. Царь видел в сыне крепкий характер, лидерские качества.

Отец с детства воспитывал его как наследника. Чтобы и подданные привыкли к этому, уже в сентябре 1561 года, когда Ивану Ивановичу едва исполнилось семь лет, он был «оставлен на государстве» на целых два месяца. Отец в это время отправился в путешествие по своим владениям. Сыну же следовало сообщать государю о всяких московских делах, воинских и земских, не только отцу, но и «во все свое государство».

Царевич сопровождал отца в походах, в паломнических поездках по Руси, в приемах послов.

Подобно отцу, Иван Иванович был человеком образованным и проявлял писательский талант. Его перу принадлежит житие и похвальное слово святому Антонию Сийскому. Этот игумен скончался в молитве и уединении в 1556 году, на Новгородской земле. Вскоре его канонизировали. Видимо, он пользовался большим уважением царя и его сына. А Грозный — человек книги — вправе был гордиться сыном, проявлявшем такие литературные таланты...

В 1562 году царь составил духовную грамоту, по которой наследником престола официально объявлялся его старший сын Иван. Самые родовитые бояре дали ему клятву верности.

Младшего сына — Фёдора — царь считал непригодным для царского венца, но надеялся, что сыновья будут поддерживать друг друга. В одной из духовных грамот Грозный писал: «И люди бы у вас заодно служили, и земля была бы заодно, и казна у обоих одна — так вам будет прибыльнее. А ты, Иван-сын, береги сына Федора и своего брата, как себя, чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, всем был бы доволен, чтоб ему на тебя не в досаду, что ни дашь ему ни удела, ни казны».

Ивану Ивановичу не везло с потомством. К 27-ми годам он был женат в третий раз — на урожденной Елене Шереметевой. Первые две жены оказались бездетными и были пострижены в монахини. Шереметева забеременела, но дело закончилось выкидышем — и ее участью тоже стал монастырь.

Вскоре ушел из жизни и царевич. Как это случилось? В 1581 году Иван Грозный в письме Н. Р. Захарьину-Юрьеву и А. Я. Щелканову написал, что не сможет приехать в Москву из-за болезни сына: «...которого вы дня от Нас поехали и того дни Иван сын разнемогся и нынече конечно болен и что есма с вами приговорили, что было Нам ехать к Москве в среду заговевши и нынече Нам для сыновни Ивановы немочи ехать в среду нельзя... а Нам докудова Бог помилует Ивана сына ехать отсюда невозможно».

Современный исследователь Вячеслав Манягин утверждает: «По поводу болезни можно ска-

Николай Шустов. Грозный у смертного одра своего сына

зять определенно — это было отравление сулемой. Смерть, вызванная ею, мучительна, а доза, вызывающая такой исход, не превышает 0,18 грамма».

19 ноября царевич скончался. Его тело было перевезено в Москву, похоронили Ивана в Архангельском соборе. Горе Грозного было безграничным.

По наиболее расхожей версии, царевич был смертельно ранен отцом во время ссоры в Александровской слободе в ноябре 1581 года. Временник дьяка Ивана Тимофеева содержит следующие сведения о смерти царевича: «Некоторые гово-

Илья Репин. Иван Грозный и сын его Иван

рят, что жизнь его угасла от удара руки отца за то, что он хотел удержать отца от некоторого неблагоприятного поступка». Кстати, царевичу Ивану Тимофеев дал лестную и, видимо, объективную оценку: «...если бы не ранняя его смерть, думаю, что он мог бы при его молодой отваге остановить приближение к своей земле варваров и притупить остроту их вторжения: основанием для этого [была] его явная мудрость и мужественная крепость». Вот это — правда. А об убийстве сына отцом достоверных свидетельств нет.

Слухи! Только слухи, за которые, естественно, ухватились многочисленные враги царя. В первую очередь — иностранцы во главе с агентом римского папы Антонио Поссевино, который создавал в Европе негативный образ Руси. Поссевино был взбешен резким отказом Грозного присоединиться к католическому миру.

Митрополит Иоанн Снычев считал, что «решающее влияние на становление русоненавистнических убеждений «исторической науки» оказали свидетельства иностранцев». Трудно с этим спорить.

Причем Поссевино и поверивший ему Карамзин выбрали совершенно невразумительный повод к царской ярости. В то время польско-литовские войска осаждали Псков. И царевич просился туда, чтобы возглавить оборону города. Вполне возможный факт! Но чтобы это вызвало ярость царя — дело невероятное. Ведь именно сам Грозный готовил сына в будущие цари, приучал его к воинским походам. Есть и еще один важный довод. Грозный, как и полагается монарху, был беспощаден к предателям. За предательство фактически казнил сына Петр I — и это понятно, даже закономерно. А царевича Ивана никто не причисляет ни к предателям, ни к противникам отца! Его ненавидели те, кто ненавидел Грозного. Травили те, кто травил отца. И Иван Васильевич знал об этом. Своего верного сына-собратника он карать не стал бы.

В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля было произведено вскрытие гробниц царя Ивана Васильевича и царевича Ивана Ивановича. Последовавшие достоверные исследования, медико-химические и медико-криминалистические экспертизы останков царевича показали, что в 32 раза превышено допустимое содержание ртути, в несколько раз мышьяка и свинца. По мнению экспертов, «повышенное количество ртути, обнаруженное в останках Ивана Грозного и Ивана Ивановича, может быть обусловлено применением ртутьсодержащих препаратов с лечебной целью. Следует при этом отметить, что соединения ртути издавна применялись для лечения различных заболеваний, включая сифилис, которым, впрочем, царь и его сын не страдали. В то же время обнаруженное количество ртути не позволяет полностью исключить возможность острого или хронического отравления ее препаратами». Однако исследования показали, что сифилитических изменений в останках царя и царевича не обнаружено — и лечить их ртутными мазями не имело смысла. Скорее всего, имело место всё-таки отравление — для Средних веков дело обычное. Недруги травили царя и его наследника регулярно, по капельке уничтожая их здоровье. Организм родителя оказался крепче, а Иван Иванович...

К сожалению, он не мог похвастать крепким здоровьем. По-видимому, еще в 16 лет он пережил

тяжелую болезнь. В 1570 году он пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад в тысячу рублей. Возможно — мечтая о выздоровлении либо благодаря Всевышнего за выздоровление после опасной болезни.

Возможно, на здоровье царевича отразились переживания о выкидыше и удаление от двора любимой жены (Шереметеву Иван Иванович в супруги выбрал именно по искренней симпатии, не по политическим мотивам). С другой стороны, в те годы смерть в 27 лет не была редкостью. Эпидемии, ранения преждевременно уносили из жизни тысячи людей, не делая исключений для царской семьи. Нельзя исключать и версию несчастного случая — от слабости, страдая от лихорадки, царевич мог упасть и получить травму.

Между прочим, клеветники Грозного часто распространяют свою фантазию и на его сына. Они не только пишут о мнимом убийстве царевича, но и бездоказательно обвиняют его в патологической жестокости. Дескать, сын был «в отца». Поверим летописцу Тимофееву, писавшему о царевиче как об отважном, человеколюбивом и мудром молодце.

Царь долго оплакивал сына, торжественно похороненного в московском Архангельском соборе. Иван Васильевич проявлял трогательную любовь о родных и близких. А Иван был его любимцем. Он искренне оплакивал рано умершего наследника. Всю жизнь после этого ему не хватало Ивана...

СИНОДИК ОПАЛЬНЫХ

Грозных монархов, каравших своих противников, в истории было немало. Тех, кто каялся в своих поступках, — единицы. А покаянный Синодик для храмов составил только один-единственный царь Иван Васильевич. Конечно, это показательно и не случайно.

Несомненно, Грозный, внимательно изучавший русские летописи, знал, что его далекий предок Владимир Креститель, приняв христианство, отказался от смертной казни, считая ее нарушением заповеди «Не убий». Это единственный такой случай в мировой истории! Сам Иван Васильевич не разделял столь максималистического отношения к православным установкам. Он понимал, что без казней невозможно добиться усиления государства, сохранить независимость, искоренить предательство. Даже в наше время, в XXI веке, за государственную измену во многих странах положена смертная казнь. Но, вспоминая про своего предка-крестителя, всегда осознавал, что любое лишение жизни человека — грех. А большинство казненных уходили на тот свет без отпевания — и для царя-христианина это было поводом для тяжелых раздумий.

Василий Пукирев. Иван Грозный в молельне

Иван Васильевич всегда молился за упокой душ своих жертв — и в Александрове, и во множестве монастырей, которые он постоянно объезжал. В конце жизни царь составил Синодик опальных, который разослал по монастырям, чтобы и там молились за неприкаянные души. Чтобы его желание исполнялось гарантированно, царь пожертвовал монастырям крупные суммы — и там ежедневно поминали души убиенных. Присланный перечень умерщвлённых подданных подкре-

плялся не только вкладом, но и царским указом о повсеместном их поминовении.

Создали эти Синодики по приказу Ивана Васильевича дьяки и подьячие, вероятно, Панихидного приказа — ведомства, специально образованного для организации в масштабе страны официальных поминальных акций. Они изготовили «государские книги» с именами уничтоженных в царской опале жителей Русского царства, в некоторых случаях снабдив эти перечни кратким описанием обстоятельств их насильственной гибели. В Синодик включили и отчеты Малюты Скуратова — главного опричника Грозного — о казнях, проводимых им лично во время службы.

Полностью те Синодики (а их отправляли даже в самые отдаленные и небольшие монастыри) не сохранились. Историк Руслан Скрынников по сохранившимся книгам создал свод таких синодиков.

В наиболее полной версии речь идет о 3300 человек. Две трети из них — писари, холопы, «простые люди», бабки-ведуньи и многие другие подданные из числа низших слоев — их царь не упоминал по именам. Еще несколько сотен более высокопоставленных человек писцы упомянули поименно. А бояр, крупных землевладельцев, знатных людей Иван Васильевич отметил особо, вспомнив каждого по имени и фамилии. Таких набралось около 400 человек.

В поминальный список царь мог включать не только казненных по его приказу, но и дорогих сердцу людей, о покаянии которых хотел просить у Бога в конце собственной жизни. То есть часть попавших в Синодик погибли или умерли без участия царя...

В связи с Синодиком возникло немало исторических споров. В списке нет митрополита Филиппа — и это довод в пользу того, что к его гибели ни царь, ни Малюта Скуратов отношения не имели.

В то же время в покаянный список внесено имя игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия, позже канонизированного. В связи с его гибелью возникло немало мифов — в том числе о том, что царь убил его собственной рукой, ударив жезлом. Причиной называют строительство богатых стен и келий в монастыре вопреки указанию царя. Этот сюжет, скорее всего, фантастичен. Ряд историков (включая митрополита Ладожского Иоанна Снычева) вообще опровергают причастность царя к смерти Корнилия. Грозный в те дни был в Псково-Печерском монастыре лишь проездом. Из более-менее серьезных источников о причастности царя к убийству Корнилия говорит Андрей Курбский. Разумеется, его — предателя, перешедшего во время войны на сторону противника, — нельзя считать объективным. Но у него действительно установились хорошие отношения с игуменом Корнилием. И царь закономерно мог

заподозрить видного церковника в предательстве. В этом случае вполне возможна казнь (которую Грозный провел, конечно, не собственноручно), которая объясняет попадание Корнилия в Синодик.

Историки спорят: можно ли считать Синодик опальных полным списком «жертв» Ивана Грозного? Тот факт, что туда попало множество людей простого звания, говорит в пользу того, что этот список достаточно полный. Так считал и Руслан Скрынников — один из самых глубоких знатоков эпохи Ивана Грозного. Конечно, и Грозный, и его помощники могли вспомнить не всех казненных. Поэтому историки увеличивают предполагаемую цифру с 3300 до примерно 4500 жертв «террора». И уж точно можно сказать, что «жертв Грозного» было не более 5 тысяч. Не считая воров и разбойников, которых было сравнительно немного, значительно меньше, чем 3–5 тысяч.

Сравним эту ситуацию с тем, что происходило в то время в других странах. Для Османской империи казнь 3–5 тысяч подданных — просто не серьезно. Только в борьбе за власть и торжество суннитского ислама все турецкие султаны того времени уничтожали без суда десятки тысяч людей.

Яростно проходила борьба католиков с гугенотами во Франции. За одну только Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 года) католики, фак-

тически по приказу королевы-матери Екатерины Медичи и короля Карла IX, уничтожили в одном только Париже около 3 тысяч протестантов, включая младенцев и беременных женщин, а во всей Франции — около 30 тысяч. И это за считанные дни! Не менее кроваво проходила во Франции и борьба за власть, и борьба против сепаратизма. Это — в эпоху Ивана Грозного — не менее 150 тысяч жертв террора и смут.

Иван Грозный не остался в стороне от французских событий. Он писал тестю Карла IX, императору Священной Римской империи Максимилиану II: «А что, брат дражайшей, скорбишь о кроворазлитии, что учинилось у Французского короля в его королевстве, несколько тысяч вплоть до сущих младенцев избито; и о том христианским государем пригоже скорбеть, что такую бесчеловечность французский король над своим народом учинил и столько крови без ума пролил».

Но это Франция — страна далекая. А что же у наших соседей? Польша и Литва как раз в то время объединились в общее государство, в котором ведущую роль играл католицизм, а всех православных (а их в Литве и на востоке Польши было большинство) заставляли принимать униатство. Православными их уже не считали. Несогласные были казнены. Католический фанатизм был важнейшей составляющей польско-литовской жизни. У Варшавы тогда было два врага: православная

Москва и протестантская Швеция. С православными и протестантами на своей территории они боролись как с национал-предателями.

Но не только религиозная вражда (которой, кстати, не было в Русском царстве) порождала кровопролитие в Речи Посполитой. Как известно, там практиковалась выборность монархов. Например, в 1573 году были проведены выборы короля. Литовские монархи Радзивиллы, желавшие сгладить вражду католиков и православных в своем государстве, выдвинули на пост монарха русского царя Ивана Грозного. Но победил Генрих III Валуа, французский король, который не мог преодолеть гражданскую войну в своей стране, а польскими делами, естественно, почти не занимался. Возрастала роль крупной шляхты. У многих из них имелись свои войска, вершившие скорый суд. Чем это чревато? Самоуправством, междоусобицами. По существу, в Польше наступило время сразу нескольких опричнин, каждая из которых была не менее кровавой, чем русская. Оттуда и пошла поговорка: «Паны дерутся, у холопов чубы трещат». Не только чубы. Холопы, наемники сотнями погибали в междоусобных стычках и во время самоуправных казней.

Под флагом рьяного католика Генриха Валуа истреблялись не только открытые православные и протестанты, но и униаты. Они были почти бесправны. Как и достаточно многочисленные в

Польше иудеи — сплошь считавшиеся крепостными тех или иных магнатов.

Наконец, в 1587 году королем Польским и великим князем Литовским был избран Сигизмунд III — фигура, в чем-то сопоставимая с Иваном Грозным. Только — проливший гораздо больше крови. Главной своей задачей Сигизмунд считал упрочение в Речи Посполитой католицизма, уничтожение протестантизма и православия. Конечно, православные пытались бороться за свои права. Сигизмунд жестко подавил восстания Косинского (1591–1593) и Наливайко (1594–1596), боровшихся за права православных. При этом были пролиты, без преувеличений, реки крови. Достаточно вспомнить, что во время переговоров (!) поляки вероломно напали на лагерь Наливайко и перебили не меньше шести тысяч повстанцев вместе с женами и детьми. Всё закончилось Брестской унией 1596 года, по которой православие в Польше практически уничтожалось, а священники, подчиняясь насилию, переходили в католицизм или в унию. Православие можно было исповедовать только тайно.

При этом планы Сигизмунда не были реализованы: ему не удалось превратить Польшу в крепкое и стабильное государство. Уничтожив православную часть своих подданных, он значительно ослабил Речь Посполитую. Это сказалось в XVII—XVIII веках. Польша надолго распалась. При этом

Россия, развивая идеи Ивана Грозного, усиливалась. Ослабить шляхту и ее самоуправство Сигизмунду не удалось.

Грозный никогда не проводил насильственной христианизации. А исламизация в XVI веке (как, за редкими исключениями, и в другие времена) сплошь была насильственной и кровопролитной. Еще в XIV веке адыгов и алан пытался обратить в мусульман хан Тамерлан. В XV веке началась следующая волна исламизации, связанная с установлением в западном Черноморье турецкого господства. Экспансия турок на Северном Кавказе шла под лозунгами ислама. В XVI веке уже значительная часть адыгов и аланов перешла в ислам. Среди аланов в ислам (пусть и в поверхностной форме) чаще всего переходили представители высших классов, в то время как в низах, среди крестьянства, преобладало христианство. Раскололись по этому признаку и черкесские племена. Вождей, не согласных с исламскими идеями османов и крымцев, казнили вместе с семьями и слугами.

В историю вошло и понятие «венецианская жестокость» — расправы между собой дожей и торговцев. Там же было организовано первое еврейское гетто. В 1516 году, по требованию папы об изгнании евреев из Венеции, Совет Десяти, руководивший Венецией, принял решение поселить их всех на острове в районе Каннареджо, известном как Getto Nuovo — «новая плавильня» или

«новая литейная». В дальнейшем название стало использоваться и в других городах (см. гетто) для обозначения еврейских кварталов.

А что происходило в XVI веке в Испании? В 1516 году власть сосредоточилась в руках Карла I Габсбурга, ставшего сначала королем, а после императором Карлом V, кем он был провозглашен по воле рейхстага Священной Римской империи. Ему приходилось вести постоянную вооруженную борьбу против вольных горожан и иноверцев.

Результаты деятельности испанской инквизиции в период от 1483 до 1498 года выражаются следующими цифрами: около 8800 человек было сожжено на костре, 90 000 человек подверглось конфискации имущества и церковным наказаниям, многие из них умерли от голода. Кроме того, были сожжены изображения в виде чучел или портретов 7500 человек, спасшихся от смерти на костре, так как перед этим их удушили или замутили до смерти.

По всей Европе действовали суды инквизиции, освященные римскими папами. С конца XV века, когда в Европе начинают распространяться представления о массовом присутствии заключивших договор с нечистой силой ведьм среди обычного населения, в её компетенцию вошли процессы о ведьмах. «Ведьм» преследовали и религиозные, и светские суды. Только к концу XVI века испанские и римские инквизиторы начали выражать серьез-

ные сомнения в большинстве случаев обвинения в ведовстве. Также в компетенцию инквизиции с 1451 года папа Николай V передал дела о еврейских погромах. Испанская инквизиция была скопирована в Нидерландах и Португалии и послужила образцом для итальянских и французских инквизиторов. В Нидерландах она была установлена Карлом V в 1522 году. В 1523 году в Антверпене на костре сожгли первых протестантов.

К середине XVI столетия около трети крестьянства Фландрии были лишены земли или арендовали такие небольшие участки, которые не могли прокормить их семьи. Крестьяне были вынуждены идти в кабалу. Примерно такое же положение сложилось и у валлонского крестьянства, поэтому оно и стало источником людских ресурсов для испанской армии. Многие крестьяне становились бродягами или вставали на путь воровства и разбоя, который рано или поздно приводил их на виселицу. Тогда о гуманизме ещё не слышали, разговор с преступниками был короток. Власти не церемонились и с бродягами. С 1501 года в Нидерландах издавались жестокие законы (ордонансы) против бродяг. Законы запрещали подавать бродягам милостыню, предоставлять им кров и предписывали выдавать их властям для наказания.

Карл при поддержке римско-католической церкви пытался бороться против Реформации, но неудачи заставили его в результате отречься

от короны. Теперь империя была в руках Фердинанда — брата Карла, а частичные владения испанской короны (Новый Свет, Италия, Нидерланды) перешли к Филиппу II, сыну Карла, еще более жесткому стороннику инквизиции.

Филипп II жестоко уничтожал еретиков и поддерживал католицизм. Инквизиция быстро расправлялась с запуганным населением и легко обвиняла в ереси противников короля. Тем временем в Нидерландах испанцам пришлось жестко подавлять местное население. Во-первых, голландцы боролись за национальную свободу, во-вторых — за право исповедовать кальвинизм. Испанцы расправлялись с ними кроваво. В Испанию был послан известный своей жестокостью герцог Альба. Этот посланец испанского короля собственноручно подписал 18 600 смертных приговоров за шесть лет своего пребывания в Нидерландах. Это только официальные цифры и официальные казни. А сколько жителей страны стали жертвами разбоя и мародерства, остается только предполагать. При приближении армии Альбы Фландрию в страхе покинули 100 тысяч жителей из примерно миллиона.

Нельзя не вспомнить и Нарденскую резню 1572 года. К городу Нардену подступила пара сотен немецких наемников, находящихся на службе у испанского короля. Жители закрыли ворота вопреки протестам магистрата. Несколько «го-

Герцог Альба

рячих голов» даже слегка постреляли в немцев со стен города. Перепуганные насмерть отцы города выслали парламентаров. Пока они занимались болтовней под стенами Нардена, подтянулся испанский авангард. Магистрат уговорил жителей открыть ворота и устроить торжественную встречу захватчикам. Чуть ли не праздничный ужин им готовили. Ворвавшиеся в город испанские солдаты, возглавляемые сыном герцога Альбы доном Фредериком, были настроены отнюдь не миролюбиво. Бойня началась в стенах главной церкви города. За считанные минуты испанцы перебили практически всех жителей города, которые не успели сбежать. И таких карательных акций было несколько — полностью уничтожались города и поселки.

Но, как ни свирепствовали испанцы, Нидерландская революция победила. Страна стала свободной, преимущественно протестантской и буржуазной.

Словом, кровь в мире проливали в те годы многие. И гораздо больше, чем русский царь. Но каялся только Иван Васильевич — по вере своей.

ПИСАТЕЛЬ ИВАН ГРОЗНЫЙ

Старший современник Шекспира, Иван Грозный, конечно, не считал себя служителем муз. И в отличие от англичанина писал не для читательской аудитории и не для театральных постановок. Однако все это не мешает нам видеть в нем великого русского писателя. Это не преувеличение. «Это был поразительно талантливый человек. Казалось, ничто не затрудняло его в письме. Речь его текла совершенно свободно. И при этом — какое разнообразие лексики, какое резкое смешение стилей, какое нежелание считаться с какими бы то ни было литературными условностями своего времени!» — писал о Грозном академик Дмитрий Лихачев.

Иван IV не первый и не последний писатель среди правителей нашей страны. Памятниками древнерусской литературы по праву считаются сочинения Владимира Мономаха. Слагал вирши и формулировал правила соколиной охоты царь Алексей Михайлович. Прилежно выводила пьесы и стихи императрица Екатерина Великая. Владимир Ленин писал о себе: «Род занятий — литератор». Иосиф Сталин в юности сочинял недурные

Иван Грозный. Скульптор Марк Антокольский

стихи; не отставал от него и Юрий Андропов. Но и в этом ряду Иван Васильевич — первый среди равных по исповедальности и эмоциональному накалу своих, вне всякого сомнения, незаурядных произведений.

Конечно, сам он себя в писателях не числил. О такой профессии в XVI веке в Москве никто и представления не имел. К тому же у Грозного имелась другая ответственная миссия: быть пастырем врученного ему Богом «духовного стада» — богоизбранного народа. Впрочем, помимо самодержавных амбиций ему не было чуждо и авторское самолюбие.

СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Исследователи и ценители древнерусской словесности произнесли немало громких слов о писательском даровании Грозного. Нет ли тут преувеличения? Безусловно, нет. Он взорвал литературный этикет, открыл в писательстве новые пространства, показал в своих сочинениях самого себя — своенравного, буйного. Такая свобода высказывания его современникам и не снилась.

Для политика в своих текстах он был чудовищно прямодушен. Где же лицемерие, эта главная доблесть государственных деятелей, оградившая человечество от стольких неприятностей? Иван Васильевич не маскировал своих намерений, да-

же самых честолюбивых, не пытался скрыть от современников свои прегрешения. Должно быть, он считал, что самодержавная власть освобождает его от необходимости юлить и притворяться. И рубил правду-матку так, что летели клочки по закоулочкам. Это и выделяет его из череды почтенных русских писателей того времени. Грозный — вне приличий, вне канонов. Свободное творчество! Речь его текла без преград, смешивая стили.

«Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый (как, например, в своем завещании 1572 года), мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», пренебрегающий всякими литературными условностями ради единой цели — убедить своего читателя, воздействовать на него, — таков Грозный в своих произведениях»... Эту оценку дал порфириносному литератору академик Дмитрий Лихачев — кстати, отнюдь не поклонник политической линии Грозного.

Царская писательская кладовка — это послания Андрею Курбскому, несколько писем английской королеве Елизавете I, письма шведскому королю Юхану III, польскому королю Стефану Баторию, протестантскому проповеднику Яну Роките, гетману Яну Ходкевичу, русско-татарскому князю Симеону Бекбулатовичу, игумену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме с братией, князю Александру Полубенскому, опричнику Василию Грязному...

Самый известный и пространный блок в литературном наследии царя Ивана — переписка с князем Курбским, которая велась с 1564 по 1579 год. Древнейшие версии писем Грозного и Курбского дошли до нас в списках первой трети XVII века. Это настоящий эпистолярный роман XVI столетия, не имеющий аналогов в русском контексте. Кроме того, это политическое выступление царя, адресованное не только князю Курбскому.

Недавнему соратнику, ставшему врагом, Грозный изложил целую семейную сагу, приправив ее своеобразным психоанализом. В риторическом запале он искусно находил оправдания своей жесткой политике. Главный довод — гибель царицы Анастасии. Он обвинял окружение Курбского в ее убийстве: «А и з женою вы меня про что разлучили? Толко бы вы у меня не отняли юницы моя, ино бы Кроновы жертвы не было». Древнегреческий языческий бог Крон (Кронос), чтобы сохранить свою власть, уничтожал собственных детей. Иван Грозный осознавал, что действует подобным образом по отношению к неверным подданным.

Пушкин называл его «гневом венчанным». Царь легко переходил к «разговору на повышенных тонах» и не умел сдерживать ярость. «Что же, собака, и пишешь и болезнуеши, совершив такую злобу? К чесому убо совет твои подобен будет, паче кала смердья?» — в таких выражениях он

«ставит на место» мятежного князя. Но главная страсть Грозного — спорить, выстраивать шеренги эгоцентрической аргументации. Эрудиции ему хватало: самодержец легко находил доводы в Священном Писании и Предании, а также в античной и русской истории.

Грозный явно испытывал потребность в теоретическом обосновании собственной неограниченной власти. Всякий, кто на нее посягает, — не просто враг, но и кошунник, преступник перед Богом. Это излюбленная тема царя, к ней он клонит в любом монологе. Вот он пишет Стефану Баторию, польскому королю, с которым вел долгую войну с переменным успехом, и снова от смирения перед Господом молниеносно переходит к самовозвышению перед соседним монархом. От насмешек — к серьезным признаниям, к амбициозной политической программе.

В таких тезисах он крайне недипломатичен: «И не потому ли ты надеешься быть величественнее нас, что отвергаешь наше происхождение от Августа-кесаря? Так поразмысли о своих предках и о нашем ничтожестве. Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему роду: мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода по Божьей милости избрали народы и условия королевства Польского и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими.

А они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли, нам же всемогущая Божья десница даровала государство, а не кто-либо из людей, и Божьей десницей и милостью владеем мы своим государством сами, а не от людей приемлем государство, только сын от отца отцовское по благословию приемлет самовластно и самодержавно, а своим людям мы креста не целуем». В раздражении царь прибегал к узорчатой «кусательной» речи, с избытком бранных оборотов. «Собака», «пес смердящий» — это еще не самое резкое, как и определение «пошлая девица», которым он в переписке с английской королевой наградил Елизавету I.

Грозный — Грязному

На особом счету — послание Грозного Василию Грязному, именитому опричнику, угодившему в крымский плен. Крымский хан готов был обменять царского любимца на своего полководца Дивей-мурзу, кроме того, предлагал выкупить Грозного за фантастическую сумму — сто тысяч рублей. Об этом Василий самолично известил своего государя в письме. Но Грозный ответил посланием насмешливым, даже неумолимым, хотя и дружеским по форме.

Он подтрунивал над крымским пленником: «Писал ты, что за грехи взяли тебя в плен; так

надо было, Васюшка, без пути среди крымских улусов не разъезжать; а уж как заехал, не надо было спать, как при охотничьей поездке: ты думал, что в окольные места приехал с собаками за зайцами, а крымцы самого тебя к седлу и приторочили. Или ты думал, что и в Крыму можно так же шутить, как у меня, стоя за кушаньем? Крымцы так не спят, как вы, да вас, неженок, умеют ловить; они не говорят, дойдя до чужой земли: «Пора домой!» Если бы крымцы были такими бабами, как вы, то им бы и за рекой не бывать, не только что в Москве». Вот такой урок «военно-патриотического воспитания». Какие там сто тысяч! Правда, в ответном письме Грязной сумел оправдаться: рассказал, с какой отвагой он сражался с супостатами. Царь смягчился и через три года все-таки выкупил Грязного... за две тысячи. Не напоминает ли вам это легендарный ответ Сталина Гитлеру: «Я солдата на фельдмаршала не меняю».

К своему опричнику Грозный обращался без церемоний, без историко-философских отступлений. Расхристанно. В этом письме как будто звучит хмельной хохоток Ивана Васильевича. Он подначивает своего слугу, поддразнивает его. Чувствуется, что он хоть и бранит Грязного, но доверяет ему, потому и ведет речь по-свойски, в простонародном духе.

«Умоли о мне грешнем...»

Вся жизнь первого русского венчанного царя была пронизана религиозным переживанием. Не умиротворенной, но иступленной молитвой. Ему не чуждо покаяние, самоуничужение — часто притворное, но временами искреннее. Ученые приписывают ему авторство церковных текстов, написанных под псевдонимом Парфений Уродивый (Юродивый), а также ряда других произведений, например стихир на Сретение Владимирской иконы Божией Матери, на преставление митрополита Петра...

Это вполне соответствует артистической натуре Грозного. Он, считавший себя великим грешником, решил примерить монашеские ризы, да еще и с именем Парфений, которое с греческого переводится как «девственник». Тут вам и покаяние, и гордыня, и поза. И, быть может, самоирония. Что-что, а путать следы опричный игумен умел! Несколько веков никто не знал, что наш первый царь слагал церковные гимны. Сегодня большинство исследователей склонны видеть в некоторых стихирах и канонах XVI века царскую руку. Первым высказал такое предположение известный знаток древнерусской письменности архимандрит Леонид (Кавелин) в 1880-е годы. «Творение царя Иоанна, деспота Российского» — так пояснялось в изданиях того времени.

В XVI столетии едва ли не все дороги на Руси вели к храму. Статус самодержца, Божьего помазанника, воспринимался главным образом в религиозном контексте. Но церковная жизнь Грозного — напряженная, взвинченная — удивительна даже для богомольной Московской Руси. Без осознания этой особенности нам не понять природу литературного таланта Иоанна.

Литературовед и фольклорист Иван Жданов (1846–1901), первым исследовавший писательское наследие Грозного, так объяснял его психологию: «...государство — что-то вроде большой монастырской общины, царь — какой-то главный общеземский игумен. После этого не будет удивительно, если в том, как изображает Иван отношения государственной власти к гражданам, откроется много сходного с теми отношениями, какие установились между настоятелем и братией в общежительных монастырях».

Грозный не сомневался, что избран свыше для укрепления православного царства. Именно это и придавало сил яростному самодержцу: он считал себя последним христианским государем. Он не слишком увлекался охотничьими потехами, не любил монотонных повседневных занятий. Только две стихии были близки царю — богослужение и наступательная политика. Его тянуло к исповеди. «Аз брат ваш недостоин еси нарещися... А мне, псу смердящему, кому учить и чему наказати

и чем просветити? Сам повсегда въ пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, въ скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе», — писал царь братии Кирилло-Белозерского монастыря. Где здесь заканчивается лицедейство и начинается искренняя экзальтация — трудно определить, но, продемонстрировав способности к самобичеванию, он переходил к вполне рациональным тезисам против влияния бояр на монастырскую жизнь.

Молитва для Грозного, как правило, была связана с тем или иным важным эпизодом истории Московской Руси. Так, в стихире на Сретение Владимирской иконы Божией Матери он вспоминал о том, как этот чудотворный образ спас Москву от нашествия войск Тамерлана. Завоеватель повернул в сторону от православной столицы. Это произошло во времена великого князя Василия Дмитриевича, прапрадеда первого русского царя. Современники Грозного воспринимали эту историческую притчу как близкую реальность. Царь слагал стихиры по ранее существовавшим образцам, но вкладывал в них и собственное молитвенное чувство: «Веселися преименитый град Москва, приемля чудотворную икону Владычица; воспоимо верении со архиереи и со князи: Обрадованная, радуися, с Тобю Господе, подаи намо Тобю велию милость». В этих строках — суть царского служения, религиозный смысл его власти.

Противники не зря сравнивали Грозного с Нероном — необузданным императором, наделенным яркими артистическими склонностями. По жестокости Нерон сильно опережал Грозного (хотя и его во многом оклеветали историки). Но оба они были в известной степени актёрами и поэтами на троне. Откроем «Канон Ангелу Грозному, воеводе и хранителю всех человеков, от Бога посланного по вся души человеческие», подписанный именем Парфений Уродивый. В первой же песни звучит прозвище царя, оставшееся в истории: «Прежде страшнаго и грознаго твоего, Ангеле, пришествия умоли о мне грешнем о рабе твоём имрек. Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с тобою путешествовати».

Ангел Грозный, воевода — это Михаил Архангел, по имени он в «Каноне» не назван. Автор молит его о спасении «от очию злых человек и от напрасныя смерти» и о сокрушении врагов. Царский характер не спрячешь: у Грозного и «Канон» получился несколько неканоническим. Он подчеркивал «нещадность» ангела смерти. Дмитрий Лихачев заметил: «Многократно повторяется, что ангел — «грозный воевода», что «возхождение» его за душой умирающего «грозно». Грозный говорит о нем: «несть сильнее тебя и крепчайши во брани». Он просит «весело» взглянуть на него: «да не ужаснуса твоего зрака»».

Мы не знаем точно, когда грозный царь «переоделся» в монаха Парфения и восславил Грозного воеводу, но Лихачев предположительно указал 1572—1573 годы, то есть дело было после походов на Новгород. Иван Васильевич тогда болел, впал в отчаяние, почти непрерывно молился. Душа его металась от планов переселения на берега Туманного Альбиона до ненависти ко всему неправославному миру.

В те месяцы он много думал о смерти и о своей посмертной судьбе. В послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный писал: «Предстанет бо ти напрасно все пагубство, и люта, яко же буря, приидет ангел немилостив, отводя с нуждею, влекий душу твою, связану грехми, часто обращающуюся к здешним и рыдающую без гласа...»

Это не ритуальная риторика — он действительно боялся Страшного суда. С таким же покаянным настроением создавал и свой «Канон»: «Святый Ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело теку во след твоему хождению и молюся — не остави мене сира». Нет, тут дело не только в скоморошестве с переодеваниями. Это поэзия, но это и молитва.

КАК ПОЯВИЛСЯ МИФ ОБ ИВАНЕ УЖАСНОМ

Иван Ужасный (terrible) — так переводят на английский, французский, немецкий языки прозвище первого русского царя. Да и на других европейских языках оно звучит с явным негативным оттенком. Но в русском языке слово «Грозный» не имело отрицательного смысла. Величественный, храбрый, сильный, опасный для врагов — таково было понимание этого слова. Кстати, первым его носил дед Ивана Васильевича, великий князь Иван III, собиратель Руси. «Достоин царю грозну быти» — говорится в «Валаамской беседе» (памятник русской литературы XVI века). Есть в русской речи и такое выражение: «Божия гроза».

Негативный миф о царе Иване начался во время Ливонской войны, когда Запад начал настоящую агитационную войну против Русского царства и его самодержца.

Так, в те годы в Ливонии и других германоязычных государствах в 1561 году появился листок со следующим заголовком: «Весьма мерзкие, ужасные, доселе неслыханные, истинные новые известия, какие зверства совершают московиты с пленными христианами из Лифляндии, мужчи-

нами и женщинами, девственницами и детьми, и какой вред ежедневно причиняют им в их стране. Попутно показано, в чем заключается большая опасность и нужда ливонцев. Всем христианам в предостережение и улучшение их греховной жизни писано из Ливонии и напечатано. Нюрнберг 1561». Ивана Грозного сравнивали с фараоном, который преследовал евреев, Навуходоносором и Иродом. Его определяли как тирана. Саксонский курфюрст Август I стал автором знаменитой сентенции, смысл которой сводился к тому, что русская опасность сравнима лишь с турецкой. Иван Грозный изображался в платье турецкого султана. Писали о его гареме из многих жен, причем надоевших он якобы самолично убивал. Это чистой воды пропаганда. Её цели и задачи понятны. Верить ей, разумеется, не следует. Европа всегда боялась и боится вторжения загадочной и во многом чуждой России. Отсюда фантастические мифы о «русской угрозе», призванные «напугать» европейцев дикими русскими. Самым «страшным» в этом ряду злых карикатур и стал наш первый царь. А пропагандистская война, начатая в то время, продолжается и в XXI веке. Достаточно обратить внимание на вопиющее преуменьшение роли СССР во Второй мировой войне и чуть ли не отождествление советской системы с гитлеровским нацизмом. А началось всё при Иване Грозном.

Важную роль в этом процессе сыграли записки о Московии двух немцев — фон Штадена и Альберта Шлихтинга. Последний просто написал пасквиль на русского царя. И это неудивительно. В Россию он попал как пленный, служил переводчиком, а потом бежал в Польшу. А полякам необходим был именно пасквиль на русского царя! Вот Шлихтинг и постарался.

Мемуары фон Штадена сложнее. Он служил в опричнине, в его записках можно найти и описание положительных сторон Грозного и его эпохи. Но основной смысл этой книги — призыв к войне против Руси, чьи «города и деревни должны стать добычей свободных воинских людей». Разумеется, немцев. Недаром фон Штадена любили цитировать в гитлеровской Германии.

Французский историк де Ту, младший современник Ивана Грозного, писал о нем так: «Государь столь же счастливый и храбрый, как и его отцы, который вдобавок, соединяя хитрость и тонкий расчет с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохранил обширное государство, оставленное Василием, но и значительно расширил его границы... Нет государя, которого бы более любили, которому бы служили более ревностно и верно». О жестокости Грозного де Ту пишет лишь как об одной из его черт. Правда, французский историк тенденциозно описывает второй период Ливонской войны, преувеличивая «крах» Московии.

Abcontrafactur
Des Herren Quar/ vnd Grosfürsten Iwan

Vasiliovis/ aller Reussen ein Monarcha/ zu Vladimr/ Muscaw vnd Naregarten/
Gair zu Casan/ Gair zu Abrogan/ Herrn zur Plestau/ Grosfürsten zu Schmalensky/ Tverest/
Jehart/ Inost/ Brust/ Wassy/ Vrensk/ Pologarsky/ Zultaus/ et. And anderer Herrschaffen Herrn/ Gros-
fürsten zu Naregarten in vnterlanden/ Verinskauff/ Regent/ Polenst/ Tereont/ Wlaserst/ Odest/ /
Oberst/ Königsst/ Jaroslaffst/ Kseierst/ vnd der gansen Sebenschen Landschafft/ des
Nordenstein Beherrern vnd ein Herrn vieler ander Landen/ etc.

Издание фон Штадена

Важную роль в создании чёрного мифа о Грозном сыграл изменник князь Андрей Курбский, бросивший в Москве свою жену и малолетнего сына (к которым, заметим, «жестокий тиран» не применял никаких репрессий), при живой жене женившийся на польке, воевавший со своими бывшими соотечественниками на стороне польского короля.

Постарались и разбитые татары-предатели. Дескать, невиданную жестокость проявил Грозный при взятии Казани. Невиданную? Но сами татаро-монголы при взятии городов истребляли врагов до последнего младенца, а в новой Казани при Грозном появилась татарская слобода. Почему злобствовали разбитые татары? Да потому, что бывший, как они считали, вассал их победил. Но он, в отличие от татар, которые всех покоренных считали ниже себя, покоренных бывших подданных казанского хана поставил в один ряд с другими русскими, не унизив их и не продавая в рабство, как это делали казанские ханы.

Среди других соавторов мифа — церковные писатели, связанные крепкими узами с боярскими родами, обиженными на царя Ивана. Но, несмотря на их старания, в XVIII веке в России еще господствовали объективные представления о первом царе как о великом человеке. Таковым его считал Пётр Великий, таковым его считала Екатерина Великая. Поэт и просветитель Михаил Хера-

сков считал взятие Казани центральным событием в русской истории и посвятил ему эпическую поэму «Россиада», в центре которой — героический образ царя Ивана IV.

Огромную роль в компрометации Ивана Грозного сыграл один из первых наших историков и писателей Николай Карамзин. Его IX том «Истории государства Российского» стал сенсацией. Тогдашние читатели истосковались по вольнодумству — а тут писатель подверг суровой критике тирана, царя. Его взмах читали те, кто не рисковал критиковать современных царей... Карамзин понимал это, стремился к популярности — и, скорее всего, сознательно подтасовывал факты. Влияние этого тома можно сравнить с речью Никиты Хрущева в финале XX съезда КПСС, когда он «через край» разоблачил Сталина. Под влияние Карамзина попали многие историки и писатели — и Николай Костомаров, и Алексей Константинович Толстой. В известной степени — и художник Илья Репин.

У Карамзина имелись для такого пасквильного сюжета и другие резоны. Во-первых, показывая «деградацию» династии Рюриковичей, он на их фоне возвышал Романовых. А на фоне деспотизма Ивана Грозного подчеркивал гуманизм Екатерины Великой и Александра I (своих современников и покровителей, а также их прямых предков). Политически выгодная позиция! Вот он и опирался на

Спартак Горинов. Портрет Н.М. Карамзина

сведения противников Грозного — немцев, поляков, обиженных им русских бояр и церковников... А объективного анализа источников не было.

Во-вторых, при работе над этим томом писатель победил в Карамзине историка. А писате-

лю для остроты сюжеты требуется сталкивать «положительных» и «отрицательных» монархов-героев. В древнерусской истории он сталкивал «отрицательных» Ярополка и Святополка с положительными Владимиром и Ярославом Мудрым. А в XVI веке самым удобным кандидатом на роль «отрицательного» героя стал Иван Грозный. К тому же Карамзин решил его образ зеркально по отношению к Владимиру Крестителю. Тот, по версии писателя, был «черным» в первые годы правления, до крещения. И стал идеальным после принятия христианства. Грозный, по Карамзину, был велик в первые годы царствования, во время Избранной Рады, а после этого превратился в чудовище. Читать об этом интересно, но это беллетристика, а не история.

В своей работе он опирался только на свидетельства врагов царя Иоанна Грозного — изменника Курбского и иноземцев из враждебных России государств. Свидетельства из иностранных и русских источников, которые рисуют совершенно иной образ Государя, Карамзин сознательно не замечал и не приводил в своей работе.

Некоторые эпизоды — о казнях ряда соратников, о споре с митрополитом Филаретом и убийстве митрополита, об убийстве сына Ивана — Карамзин просто придумал по-писательски, включив в повествование эффектные диалоги.

При этом Карамзин знал о высоком авторитете первого царя в народе, в легендах, которые — не

зря! — передавались из поколения в поколения. Это он объяснил такой сентенцией: «добрая слава Иоанна пережила его худую», «но история злопаятнее...» Писатель не почувствовал, как фальшиво это звучит. Ведь народ мудр, и незаслуженной славы не бывает.

Не стоит ставить крест на Карамзине. Это выдающийся историк, писатель, мыслитель, вовсе не прямолинейный. Ему доводилось и менять свои взгляды. Но разве можно исчерпывать отношение к Грозному на не самом удачном из его томов, далеко от научной объективности? Но читатели верили Карамзину безоговорочно, спорить с ним мало кто решался.

Как результат — в 1862 году в Великом Новгороде, в колоссальной композиции эпохального памятника «Тысячелетие Руси» фигуры Ивана Васильевича не появилось. Дескать, слишком жестоко он вел себя в Новгороде... При том увековечена жена царя — Анастасия. Романовы не могли упустить этот образ, ведь это связывало их династию с Домом Рюрика. Есть там и воеводы Грозного, а самого царя — ПЕРВОГО ЦАРЯ! — нет.

Прав был советский историк С.Б. Веселовский: «В послекарамзинской историографии начался разброд, претенциозная погоня за эффектными широкими обобщениями, недооценка или просто неуважение к фактической стороне исторических событий... Эти прихотливые узоры “цве-

тами по пустому полю” исторических фантазий дискредитируют историю как науку и низводят ее на степень безответственных беллетристических упражнений. В итоге историкам предстоит, прежде чем идти дальше, употребить много времени и сил только на то, чтобы убрать с поля исследования хлам домыслов и ошибок и затем уже приняться за постройку нового здания».

После этого появились серьезные исторические исследования, в которых деятельность Грозного получила более объективную оценку. Это и работы С.Ф. Платонова, и книги Р.Ю. Виппера. В церковной литературе традицию изображать из Грозного «мучителя» решительно нарушил митрополит Иоанн (Снычев), написавший ряд работ (главная из них — «Самодержавие духа»), «реабилитирующих» нашего первого царя в глазах православного сообщества.

ЖЕСТОКОСТЬ

Грозного обвиняют в жестокости, даже в чрезмерной жестокости. Некоторые говорят о его личном участии в казнях. Давайте разберемся. Ивану Васильевичу довелось жить в XVI веке и ни в каком ином. Жизнь в те времена стоила недорого. Сравнить ту ситуацию с нашим временем просто безграмотно. Приведем несколько фактов.

В то время пытки были обычным делом, инструментом дознания, распространённым наказанием.

В далеких от Руси Японии и Китае (а это старейшие цивилизации мира) умели убивать особенно изощренно. Пилили тело человека бамбуковой пилой, медленно перерезая мышцы и сухожилия. Человек мучился два-три дня. В задний проход вставляли росток молодого бамбука, и он прорастал в человека по кишкам. Насквозь. В день бамбук растет на метр-полтора. Кроме того, людей варили живыми в котлах, причем не кидали в кипящую воду, когда человек умирал моментально, а сажали в холодную, разводили под котлом огонь и постепенно нагревали.

Кочевники разрывали людей конями, привязывали между деревьев, пригнув их и придерживая стволы, а затем выпускали. Сажали связанных на лошадей и выколачивали (отбивали яички).

Жестокость часто распространялась на представителей иной веры, иной конфессии. Но не только! С легкостью уничтожали и родственников. Вспомните Модэ, легендарного правителя хуннов, убивавшего всех, не подчиняющихся его воле подданных, но вначале убившего собственного отца. Аттилу, убившего брата в борьбе за власть, и многих, многих других. Вспомните Чингисхана — убийцу из убийц, уничтожавшего целые народы. Они выкладывали курганы из черепов противников, вешали отрубленные головы на частокол, мастерили чаши из черепов своих личных врагов. Вспомните, как после битвы при Калке татары уложили русских и половецких пленных? Поставили на них столы и под стоны умирающих пировали!

Турки — современники Грозного — разрубали детей на части, вспарывали животы женщинам, душили в гаремах жен и наложниц шелковыми шнурками, убивали десятками и сотнями ближайших родственников, чтобы не претендовали на престол. Любому военачальнику, проигравшему битву, присылали шелковый шнурок — черную метку, знак смерти. Персы сдирали с живых людей кожу.

Не менее изощренными были пытки и казни в Европе во времена Грозного, до них и после. Сегодня практически в любом европейском городишке вы легко найдете музей пыток, казней и т.д. Вешали, топили, сжигали на кострах, сажали на колы. Поводом к казни мог стать, например, рыжий цвет волос, рождении двойни, красота, отношение к церковным обрядам, просто донос соседа. В Европе был узаконен религиозный террор собственных народов похлеще сталинского. С конца XVIII века рубили головы на гильотинах — и это уже считалось просвещенным, гуманным лишением жизни.

Многие действия коронованных особ трудно совмещаются с нормами психики. Лично убивал и пытал своих противников прообраз графа Дракулы, князь Валахии Влад Цепеш, Влад III. Прозвище «Цепеш» означает «сажатель на кол».

А португальский король Педро после смерти отца в отместку выкопал убитую любимую, короновал её останки и заставил придворных присягать им. Вспомните Шекспира — «Короля Лира», «Гамлета», в которых в борьбе за трон брат убивает брата, а это реально было в Дании.

Эдуард II — один из самых деятельных королей Англии XIV века — был изуверски убит собственной женой. Убивать короля открыто заговорщики, поставившие на трон его супругу, не решились, опасаясь народного возмущения. Его отправили в

П.Ш.Конт. Педру I заставляет придворных целовать руку мертвой Инес де Кастро

замок Беркли. Условия там были столь зверские, что заключенные обычно погибали через два-три дня. Но король, отличавшийся физической силой, прожил несколько месяцев. В камере, где он сидел, в полу была яма мешкообразной формы. Туда каждый день скидывали трупы людей, животных и помои. Каждый день его избивали. Но жизнь еще теплилась в нем. Тогда его неожиданно хорошо накормили и поместили в чистую камеру. Потом раскалили на огне железный прут и вонзили ему в задний проход. Крик короля-мученика был слышен в нескольких окрестных поселках.

Уже в наше время бандеровцы вставляли нашим советским солдатам бутылки в задний проход, что само по себе больно, и разбивали их внутри. А как на наших глазах, чуть ли не в прямом эфире, мучали Каддафи, вставив черенок лопаты ему в зад. Не могли обойтись без издевательства!

Известно, что в годы Второй мировой войны японцы и немцы проводили над военнопленными опыты с химическим, бактериологическим оружием, травили газом, замораживали...

Но гораздо менее известно, что почти то же самое делали англичане во всех своих колониях: проводили эксперименты над психически больными и заключенными. Известно более 500 сожженных в крематории трупов после испытаний в психиатрической клинике Окленда, а в стране — в маленькой Новой Зеландии — их было несколь-

ко. Что уж говорить о более многонаселенных колониях британской короны!

Для чего мы перечисляем эти леденящие кровь факты? Не для того, чтобы оправдать преступников. Во-первых, важно определить многовековой исторический контекст, в котором действовал наш герой. Во-вторых, мы видим, что, в отличие от истинных «коронованных маньяков», наш царь не действовал из собственной прихоти, а, как правило, руководствовался государственной необходимостью. Его личное участие в казнях не подтверждено объективными источниками, а вот покаянные молитвы за убиенных — факт, и факт, не имеющий аналогов в мировой истории.

В 13 лет он расправился со своим обидчиком князем Шуйским, псари затравили его собаками. Жестоко? Но зададим вопрос самим себе: а как 13-летний подросток мог справиться со здоровенным мужчиной? В полицию пойти, которой ещё не создали, написать жалобу — кому? Встаньте на его место, окунитесь в атмосферу его времени. Тогда вы поймете и смерть князя Владимира Старицкого, принявшего яд, который предавал царя трижды...

А потом вспомните Петра Великого и его потешные войска, помогшие прийти будущему императору к власти. У Грозного в детстве были псари, у Петра — потешники. Аналогия очевидна. И повторим. Нельзя относиться к событиям XVI века

с мерками нашего времени. Это контрпродуктивно. Тогда была другая жизнь, другая этика и нормы морали. Оценивать прошлое можно только с точки зрения этики и морали того времени и в сравнении с персоналиями той эпохи. Например, сегодня женщина равна мужчине в христианском мире, а в древние и Средние века она была по положению чуть выше коровы или лошади. Тогда людей продавали, сегодня это невозможно. Тогда нормой считалась кровная месть, сегодня она осталась только у очень отсталых народов. Не забывайте об этом.

К казням в те годы относились как к спортивному зрелищу — с азартом. Эти «спектакли» приносили удовольствие толпе — и аристократам, и простолюдинам.

Все мы помним историю римских гладиаторов. В Древнем Риме смерть была уподоблена спортивному или театральному зрелищу. Индейцы — ольмеки, ацтеки и майя — любили игру в мяч. И капитана проигравшей команды на глазах восторженной публики казнили. Но это — дохристианские народы. А что же было в Европе в Средние века? Именно тогда публичные казни были любимым зрелищем жителей крупнейших европейских городов.

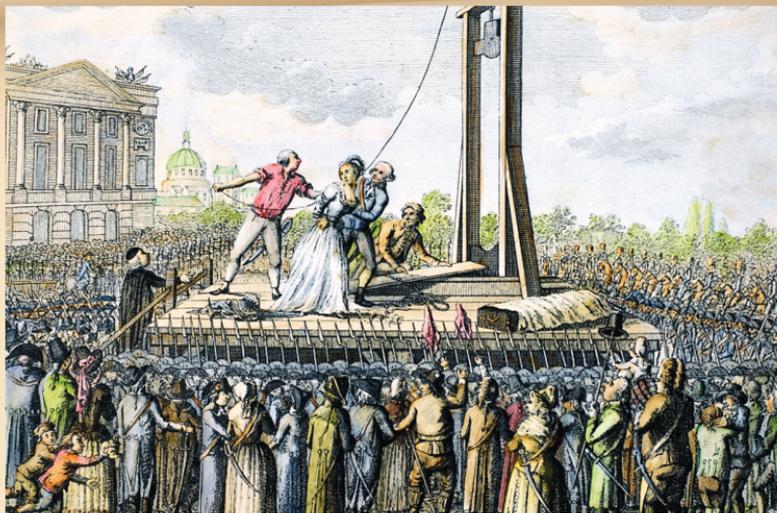
Скажем, для лондонцев публичные казни оставались главным городским зрелищем в течение нескольких веков. Главная виселица представля-

ла собой хитроумную поворотную конструкцию: там, на разновысоких балках, были 23 петли. Её называли «машина Дэррика» — по фамилии известного палача. Она располагалась там, где сейчас Гайд-парк. Историк Лондона Питер Акройд перечисляет ещё десяток известных мест казней, добавляя, что работали они без простоев. В толпах зрителей время от времени случалась давка, число затоптанных насмерть однажды (в начале просвещенного XIX века!) достигло двадцати восьми. Публичные казни в Англии не были редкостью до середины XIX века.

Не отставали от англичан и французы, парижане. До революции любимым зрелищем зевак была виселица, потом изобрели гильотину — как считалось, более прогрессивный и гуманный способ умерщвления человека. Работали гильотины в революционные дни бесперебойно — и на казни собирались огромные толпы людей.

Это продолжалось вплоть до XX века. 7 июня 1939 года во Франции в последний раз произошла публичная казнь на гильотине. Казнили серийного убийцу Эжена Вейдмана. Зрелище оказалось на удивление привлекательным для жителей города, а многие из зрителей прорывались через оцепление, чтобы смочить носовые платки в крови осужденного в качестве сувениров.

В Средние века не отставали от соседей испанцы, немцы, голландцы. Всякий раз они вызывали

Гильотина в Париже работала безостановочно

сильнейшие эмоции зрителей. В средневековой Германии приговоренным к смертной казни традиционно отрубали голову. Чаще не топором, а мечом. Публичные казни для толпы превращались в разряд спортивного состязания: горожане аплодисментами встречали и выходки осужденного, говорящие о презрении к смерти, и умелые действия палача. Неумелый палач рисковал испытать на себе гнев зрителей. Одного такого палача в 1509 году забросали камнями до смерти. Это было в Праге. Вальтера Дессера — бамбергского палача, который в 1641 году только с третьего удара обезглавил жертву, от ярости толпы спасла вооруженная стража. Камнями ему разбили голову.

В Испании смертные казни тоже собирали огромные толпы любопытных. До XIII века суд вершили только сами идальго: лично мечом отрубали головы провинившимся. Потом в каждом крупном городе появились профессиональные палачи. С XVI века (как раз со времен Ивана Грозного) только они могли вершить расправы в Испании. Палачам приходилось показывать свое мастерство не только на людях. Нередко на виселице рядом с «ведьмами» и «колдуньями» можно было увидеть повешенных собак, кошек и другую живность. Например, если животное пробегало по поляне, где совершала шабаш предполагаемая ведьма, — казнили и женщину, и животное. В Испании практиковалось не только отрубание голов и повешение, но и сжигание на кострах. Осужденного выводили из тюрьмы и, истязая его, везли по городу. Процессия останавливалась на перекрестках улиц и на площадях, где глашатай громко объявлял вину преступника. Эту процессию сопровождала толпа любопытных, осыпавшая наказуемого насмешками и издевательствами. Часто тут же по дороге он умирал, не выдержав пыток, и праздник казни, к большому сожалению публики, срывался. Простолюдинов казнили иначе — ударом дубины (гарроты) по голове, под улюлюканье толпы.

В Османской империи в палачи, как правило, брали глухонемых. Считалось, что они самые сосредоточенные и беспощадные. Султан придавал

большое значение тому, какое положение в обществе занимал осужденный на казнь человек. Например, если казнили великого визиря, то его обычно душили, а простым янычарам отрубали голову топором. Если к смерти приговаривался член правящей династии, то для его умерщвления использовалась тетива от лука, которой его душили. Это была очень «чистая» смерть без малейшего следа крови, которая и полагалась членам «касты избранных». Государственных служащих обычно обезглавливали мечом. Однако не все осужденные на смерть могли отделаться так легко: признанные виновными в воровстве, убийстве, пиратстве и грабежах подвергались болезненной казни путем подвешивания на крюк за ребро, сажания на кол или даже распятия.

Еще меньше стоила жизнь в Японии. Смертная казнь там угрожала не только за малейшие провинности, но и за попытку покинуть японские острова. Практиковались распятие, сваривание в котле, сожжение, распиливание. Самурай мог безнаказанно убить простолюдина по собственной прихоти. Бесконечно можно говорить и о китайских изощрённых пытках и казнях той эпохи.

Что касается России — публичные казни и пытки у нас не стали «спортивным» зрелищем, как в Европе, и проводились сравнительно редко. Даже в те суровые годы. А в послепетровские времена вообще стали редкостью. Масштаб казней во вре-

мена Ивана Грозного тоже нельзя сравнить с тем, что творилось в Англии, Испании, Голландии, немецких государствах.

Фальшивые «гуманисты» охают о Грозном и Сталине, иногда и Петра осуждают, но не проклинают явных уродов и предателей Петра III, Михаила Горбачева, который своей «мягкостью», а по существу — предательством, убил для страны 50 миллионов человек. Как? Об этом мы рассказали в одной из глав книги.

ИВАН ГРОЗНЫЙ — ПОПЫТКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Без элементов психологии не обошелся ни один интерпретатор образа царя Ивана Васильевича — будь то историки, писатели, художники, режиссеры, актеры, даже композиторы. Да, музыка Сергея Прокофьева к фильму «Иван Грозный» — это попытка проникнуть в психологию эпохи, и попытка яркая.

В восемь лет он остался один, без отца и матери, во враждебном окружении. Лишиться родителей в раннем детстве, подвергаться всяческим притеснениям и быть при этом великим князем, которому все целовали крест, а теперь не проявляют никакого почтения, — разве это не драма?

Психическое состояние Ивана Васильевича, конечно, нельзя рассматривать в отрыве от его судьбы и судеб его близких. Несчастливое детство, издевки бояр, отравление матери, жен, детей... Ранняя смерть самых любимых людей. Причем отравление матери произошло практически на глазах отрока-Ивана. Такие травмы не заживают.

Один психолог когда-то сказал моей знакомой после смерти её мамы, отвечая на вопрос, когда она полностью забудет это событие, когда ей ста-

Фёдор Шаляпин в образе Ивана Грозного

нет легче: «Никогда!» Если вам отрезали руку или ногу — вы никогда не сможете забыть, что у вас нет этой части тела, никогда не привыкните к своему новому состоянию. То же самое — и с психикой, с травмами души. Конечно, люди XVI века отличались от нас. Они были суровее, сильнее духом. И все-таки они были людьми! С сердцем, рассудком, психикой. И он находил в себе мужество и силу воли выходить из депрессий. Он мог просто царствовать, а Грозный по-настоящему правил, душой вкладываясь в любое дело. На такое способен только человек, сохранивший психическое здоровье. Конечно, это не исключает мелких отклонений, вспыльчивости, приступов апатии или ярости. Но — в рамках человеческого достоинства.

Приведу один пример из собственной жизни. За женой одного моего знакомого, у которого отнимали бизнес, установили постоянную слежку. Никакого физического насилия не было, просто, как только она выходила из дома, за ней повсюду следовал человек. Она в магазин — и он туда же, она на работу — и он, она в туалет — и он рядом. Через несколько дней у неё «поехала крыша». А Грозный жил в таком напряжении всю жизнь, с раннего детства. И нервы сдавали, и он срывался. Для всех хорошим не будешь. Он строил государство, новое государство, как тут без перегибов? Но он его не предал, не продал его интересов, как

Петр III или Михаил Горбачев. Он боролся до конца. И чаще побеждал, чем проигрывал.

Был ли он патологически злым человеком? Психологи говорят, что злоба — это отсутствие эмпатии, способности чувствовать боль другого, сопереживать. Иван Васильевич чувствовал боль своих жен, детей. Боль глухонемого брата Юрия Васильевича, которого считали еще и слабоумным. Иван заботился о нем, сделал всё, чтобы брат не ощущал свою неполноценность, чтобы стал мужем и отцом. В те времена к таким больным родственникам часто относились жестоко, а Грозный любил своего брата, даже брал его с собой в военные походы — под Казань, во Псков и Новгород. И искренне оплакивал, когда в 31 год больной брат скончался. Похоронили Юрия, князя Углицкого, в кремлевском Архангельском соборе, с большими почестями.

Между прочим, именно при Грозном на Руси стали задумываться о психическом нездоровье. В «Стоглаве» упоминаются и психические больные. Их следовало, гласил закон, направить в монастыри, «чтобы не быть им помехой и пугалом для здоровых», где им и должна была оказываться помощь для «вразумления» или «приведения на истину».

Другом и учителем юного Грозного стал митрополит Макарий, учивший его, что власть дается не просто так, а по Промыслу Господа, и все его

действия становятся трансляцией Божьей воли. Он же рассказал ему о концепции «Москва — Третий Рим», по которой Московскому княжеству как государству свыше дано особое, исключительное предназначение. Два Рима, настоящий и восточный, Константинополь, два вечных и богоизбранных города уже пали из-за внешних и внутренних противоречий, и теперь Москва как крупный религиозный центр «несет их крест». После Третьего Рима не будет ничего, потому благополучие российской столицы — это отсрочка конца света, о котором тогда многие всерьез раздумывали. Именно Макарий подсказал Ивану идею венчания на царство. Конечно, Грозный, размышляя о величии царской власти, не терпел, когда ему противоречили, когда его воля не исполнялась. Это обычное явление для всех абсолютных монархов того времени. А без абсолютизма страны, которые нам сегодня хорошо известны, просто не собрались бы в единое целое...

По сведениям иностранных дипломатов, в 1570 году русский царь был на грани сумасшествия. Но это обыкновенный навет, связанный с отказом русского царя предавать православие в пользу католицизма. К сожалению, многие поверили этим словам — в том числе и наши соотечественники. Так, русский психиатр П.И. Ковалевский безо всяких аргументов утверждал, что царь был подвержен неврастению, страдал паранойей

Николай Черкасов в роли Ивана Грозного

с манией преследования — до слабоумия. Современная психиатрия считает, что он отнюдь не страдал слабоумием.

Грозный оставался мудрым! Через два года после этой даты он написал завещание своим сыновьям, полное советов, предлагает им лично вникать во все дела и никогда ни в чём не доверять другим, потому что в противном случае останется только видимость власти. Это — слова отнюдь не сумасшедшего, а прозорливого политического деятеля, до последних дней остававшегося настоящим царем. Грозным, властным, быть может, яростно самолюбивым, но не впадавшим в безумие. В главных своих решениях он никогда не руководствовался «маниями». Только — государ-

ственной логикой. Таким и сошел в могилу — за игрой в шахматы. Эту мудрую игру он знал с детства.

С психическим состоянием всегда тесно связано и наше физическое состояние. Как выглядел Иван Грозный? Он был вовсе не таким, каким мы его привыкли видеть. Настоящий богатырь! Это выяснилось в 1960-е, после вскрытия гроба царя и проведения исследований по его останкам.

Раскрыв каменный гроб, ученые увидели скелет крупного мужчины ростом около 179–180 сантиметров. Для Руси того времени — рост весьма высокий. Как выяснилось при исследовании, он в последние годы жизни располнел, вес его должен был составлять не менее 90–95 килограммов. А в молодые годы, когда он вел более подвижный образ жизни, часто ездил верхом и держал в руках не только тяжелый посох, но и меч, он обладал богатырской, но подтянутой, жилистой фигурой. Был строен и плечист. Потому и выдерживал без натуги долгие походы.

Знаменитый исследователь Михаил Герасимов, восстановивший облик царя по скелету, писал: «По своему антропологическому типу он ближе всего к динарскому, то есть типу, очень характерному для западных славян. Однако в его черепе есть черты, как то: очень высокие округлые орбиты, резко выступающий тонкий нос. Эти черты больше соответствуют средиземноморскому

Иван Грозный.
Таким восстановил
его облик Михаил
Герасимов

типу». Как и у отца — Василия III — у него был крупный нос или, как тогда говорили, «нос протягновен». Отметил Герасимов и другое: ни на костях скелета, ни на черепе Ивана Васильевича и его сына следов венерических заболеваний нет. Миф о том, что Грозный страдал сифилисом, развеялся.

В юности и в молодые годы царь обладал густыми волосами (скорее всего — темно-каштановыми). В зрелые годы начал лысеть. Посол Священной Римской империи Даниил Принц оставил такие воспоминания о русском монархе: «Он

очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно крепкое, большие узкие глаза, которые все наблюдают самым тщательным образом. Челюсть выдающаяся вперед, мужественная. Борода у него рыжая, с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, вьющаяся, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. В руке посох с тяжёлым набалдашником, символизирующий крепость государственной власти на Руси и великое мужское достоинство самого царя». Таким он и был в самые боевые годы своего правления. И участвовал в сражениях, и командовал войсками, и заходил в литейные мастерские. Словом, был активным, энергичным, сильным человеком.

Только в последние годы болезнь согнула его. При изучении останков царя учёные обратили внимание на мощные отложения солей на позвоночнике — остеофиты, которые причиняли мучительные боли при малейшем движении. От суставной боли он почти не мог ходить. Выручала царя в то время только парная. После нее ему становилось немного легче. В то время в основном его носили в кресле. Он перестал участвовать в военных походах — а до этого выезжал к войскам регулярно. Возможно, у Ивана Васильевича бывали и изматывающие эпилептические припадки. Самодержец считал (и, возможно, не без оснований), что он стал жертвой отравления. По-

сол Джером Горсей вспоминал, как Иван, взяв однажды в руки горсть бирюзы, произнёс: «Видишь, как она изменяет цвет, как бледнеет? Это значит, что меня отравили. Это предвещает мне смерть». Правда, верить этому мемуаристу можно с большой долей условности. Исторический факт, что в последние годы правления Грозный не инициировал казней... И, как положено христианину, много времени проводил в покаянных молитвах.

Перед самой кончиной, по обычаю времени, умирающий царь Иван был пострижен в схиму — высшую степень монашества. В облачении схимника он и был похоронен. Вера играла огромную роль в его жизни. А значит, он до последних дней отличал зло от добра и знал, за что каяться, а что числить среди своих заслуг.

НАСЛЕДИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Что оставил наследникам наш первый царь? Преображенную, реформированную страну. До эпохи Ивана Грозного в России существовало лишь два общегосударственных центральных учреждения: Дворец, ведавший великокняжескими землями, и Казна (Казенный двор) — не только главный финансовый орган, но и государственная канцелярия, в которой трудились дьяки, ведшие разрядные, поместные, ямские, разбойные и другие дела. В 1550-е годы сформировалась система приказов — центральных государственных учреждений.

При Иване IV действовали уже более 20-ти приказов. Самыми крупными из них были Разрядный (военных дел), Пушкарский (артиллерия), Стрелецкий (стрелецкое войско), Оружейная палата (арсенал), Посольский (иностранных дел), Большой приход (финансы), Поместный (государственные земли), Сибирский замок (сибирские земли). Во главе каждого приказа стоял государственный чиновник. Приказы ведали управлением, сбором налогов, трибуналом. Это был действенный орган исполнительной власти.

Великое княжество Московское до Ивана Грозного

Не раз приходилось слышать досужее: Грозный оставил разорённую, обескровленную страну, которая сразу погрузилась в Смутное время... Между тем трудно придумать менее обоснованное обвинение. Хотя бы потому, что годы правления сына наследника Грозного — Фёдора Иоанновича — долгие годы в народе считались временем расцвета Русского царства.

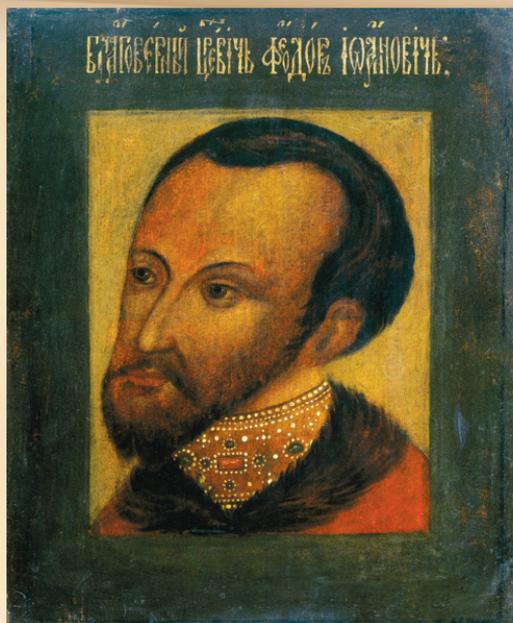
Фёдор не был выдающимся политиком. Но рядом с ним был верный советник, политический воспитанник Ивана Грозного Борис Годунов. И

Русское царство при Иване Грозном

Россия в те годы расширялась, богатели, побеждала. Царь был добродушен и богомолен, его «первый министр» (хотя такого понятия в те времена, конечно, не существовало) — хитроумен и тверд.

Английский торговый агент Джером Горсей писал о Федоре Ивановиче, что тот «прост умом». Французский наемник на русской службе Жак Маржерет писал несколько резче: «...власть унаследовал Федор, государь весьма простоватый, который часто забавлялся, звоня в колокола, или б лъшую часть времени проводил в церкви».

Царь Федор
Иоаннович

В летописи сохранилось описание начальных дней царствования этого государя. Нигде не видно никаких признаков слабоумного поведения — напротив, когда проходил обряд венчания на царство, Федор Иванович дважды публично выступал с речами, утверждая свое желание повторить эту церемонию, впервые введенную при его отце.

Конечно, сейчас трудно судить, сколь точно передано летописцем содержание монарших речей. Но сам факт их произнесения никаких сомнений не вызывает: англичанин Горсей, беспристраст-

ный свидетель происходящего, тоже пишет о том, что царь прилюдно держал речь.

В результате непростых переговоров с надменными восточными патриархами на Руси было введено патриаршество. К тому времени в православном мире было четыре патриарха: Константинопольский, Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский. Их уважали, но земли, на которых они правили, подпали под власть мусульман. А Русское царство считалось митрополией (составной частью) Константинопольской патриаршей церкви. Так долго продолжаться не могло: в финансовом, да и в политическом отношении «вселенские» патриархи зависели от Москвы, а по церковным канонам считались выше.

В 1588 году в Москву прибыл константинопольский патриарх Иеремия. Борис Годунов начал переговоры с ним, действовал и кнутом, и пряником. С одной стороны — давал богатые дары и гарантии безопасности, с другой — намекал патриарху, что из России его просто не выпустят, если он не одобрит введение патриаршества в Москве.

Первым патриархом всея Руси стал в 1589 году митрополит Иов. До этого наша страна фактически уже стояла во главе православного мира, теперь это оформилось юридически. То было время дораскольной, единой Русской православной церкви. Иеремия II совершил интронизацию первого русского патриарха. А перед тем, как покинуть

Патриарх Иов

Москву, Иеремия II оставил в России «Уложенную грамоту», подтверждавшую факт учреждения патриаршества в России. На соборе 1593 года в Константинополе Иеремия II, а также патриарх Александрийский Мелетий Пигас, патриарх Ан-

тиохийский Иоаким и патриарх Иерусалимский Софроний официально утвердили введение патриаршества в Москве. Русская церковь получила полную независимость.

Удачно завершилась для России война со Швецией 1590–1595 годов. Тогда Годунову удалось вернуть Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. В эти годы Русскому царству помогла стрелецкая армия, артиллерия, военная медицина — всё это было создано Грозным. Как и поколения воевод, получивших опыт Ливонской войны.

По инициативе Годунова — истинного последователя политики Грозного — продолжилось и строительство многих городов и крепостей, веками служивших нашей стране.

Потом, после смерти Федора, на царство венчался Борис Годунов, давно уже бывший непосредственным руководителем государства. Ему многое удалось на троне. Он наладил отношения с персидским шахом Аббасом и принял присягу от грузинского царя Александра. В его царствование активно продолжилось строительство Архангельска, заложенного во времена Грозного, а Сибирь получила столицу — новый город Тобольск.

Символ той эпохи — колокольня Ивана Великого, построенная во времена Бориса Годунова. 81 метр, на то время — самое высокое здание мира! Последний ее ярус построил выдающийся русский зодчий Фёдор Конь, над ним была уста-

Колокольня Ивана Великого

новлена золотая луковица с крестом, который было видно со всех концов Москвы. По инициативе Годунова началось строительство крепостей в Диком поле — степной окраине Руси. В 1585 году была построена крепость Воронеж, в 1586 — Ливны. В 1592 году был восстановлен город Елец. Началось заселение земель южнее Рязани, которые были опустошены во время монгольского нашествия. В Сибири заложили город Томск.

Возводились города в Поволжье — Саратов, Самара, Царицын. Важнейшие торговые и административные центры. После строительства этих городов и освоения пахотных земель вокруг них Волга навсегда превратилась в великую русскую реку, а путь из Астрахани в Архангельск в будущем стал стержнем торговли Московского царства.

В Кремле был сооружён водопровод. Вода при помощи мощных насосов поднималась из Москвы-реки и по подземному тоннелю поступала на Конюшенный двор. Были сооружены новые крепостные укрепления. Русский зодчий Фёдор Савельев-Конь построил девятикилометровую стену Белого города (она прикрывала район сегодняшнего Бульварного кольца). Эти стены и 29 башен были сложены из известняка, обложены кирпичом и оштукатурены. В 1592 году была построена ещё одна линия обороны, деревянно-земляная, которая за быстроту сооружения была прозвана народом «Скородомом». Результат

Смоленский Кремль. Современная фотография

усилий царя сослужил хорошую службу москвичам. Летом 1591 года крымский хан Казы-Гирей с полуторасоттысячным войском в очередной раз пришёл под стены Москвы. Новая крепость и многочисленные пушки охладили пыл захватчика, а в мелких стычках при отступлении отряды хана потерпели значительное поражение. Русским войскам достался весь обоз.

Шедевром зодчества стало самое большое сооружение допетровской Руси — Смоленская крепостная стена, которая впоследствии получила название «каменное ожерелье Земли Русской». Это — главное деяние зодчего и строителя Фёдора Коня.

Всё это были дальновидные шаги, укрепившие мощь государства. Нетрудно увидеть, что Борис во многом продолжал линии развития, намеченные Грозным.

А потом случилась Смута, стечение роковых обстоятельств. Тут сыграло роль и неприятие в народе династии Годуновых, и мор, и неплодородные голодные годы и, конечно, попытка соседей — шведов и поляков — воспользоваться временной слабостью Русского царства. Как ни странно, причиной голода в Русском царстве стало низвержение вулкана в далеком испанском Перу, о котором в Москве никто и понятия не имел. Извержения вулкана Уайнапутина на несколько лет изменили климат на Земле — в атмосфере нашей планеты накопилось чрезмерно много пепла, начался так называемый малый ледниковый период. Это ударило по самым северным, холодным странам, где и так короткое лето. В 1600 году лета на Руси вообще не было: десять недель шли дожди, а в сентябре начались заморозки. Так продолжалось еще два года. Это вполне случайное обстоятельство привело к массовому мору от голода и болезней, которые повлекло недоедание.

Но от смерти Ивана Грозного до первых всполохов Смуты прошло более двадцати лет. Из них более пятнадцати лет были удачными для Русского царства. Целая эпоха воинских побед и других достижений! А Смута была уже совсем другой эпо-

хой, своего рода антитезой политике первого русского царя.

Но Смуту удалось преодолеть за несколько лет — и во многом благодаря воинским традициям времен Грозного. Большую роль в победе сыграла церковь — еще не разделенная. Не меньшую — земство, задумка Ивана Грозного, ставшая основой гражданской жизни на два века. Кем был Козьма Минин? Земским старостой. А он стал вождем, идейным вдохновителем и казначеем Второго Ополчения, принесшего победу русским патриотам.

И фундамента, заложенного Грозным, хватило для того, чтобы при достаточно вялой политике первых Романовых страна ко второй половине XVII века снова стала великой, хотя та эпоха и была омрачена трагедией раскола.

Вывод:

Величие каждого правителя определяется тем наследием, которое он передал преемникам и потомкам. Это решающий, основной фактор. Особенно это касается тех монархов, которые правили десятилетиями и немало успели сделать. Мнение ненавистников Грозного по этому поводу однозначно: политика первого русского царя привела к разорению страны и смуте. Как они пишут, «провал всех внутри- и внешнеполитических начинаний».

Так ли это?

Во-первых, он оставил сыну — Фёдору Ивановичу — страну обширную и централизованную. Значительно расширил границы страны. Завоевать такую, поставить ее на колени, было гораздо сложнее, чем поработить Великое княжество Московское, каким оно было, например, во времена Василия III. Да, на северо-западе дела обстояли не идеально, пришлось отказаться от завоеваний первых лет Ливонской войны.

Но на востоке после присоединения Казанского и Астраханского ханств и поддержанной царем экспедиции Ермака в Сибирь Россия при Грозном сломала все остатки Золотой Орды. Путь в глубины Сибири был открыт. Уже основывались новые города. Начатое Грозным на этом направлении продолжили Федор и Борис Годунов. Опасных соперников у России на Востоке больше не было. Наша страна стала крупнейшей по территории континентальной державой.

На юге победа над крымцами при Молодях и организация пограничной службы сыграли великую роль!

Вспомним. Изначально самые беспокойные рубежи державы Ивана Грозного располагались на юге, на границе с Диким полем, через которое крымские татары постоянно совершали набеги на русские города. Они регулярно грабили приграничные территории, захватывали стада, уводили людей в рабство. Иногда «лютым ворогам» уда-

валось вплотную подойти к Москве. Для защиты от них строились крепости, создавались оборонительные системы, известные как «засечные черты». Но этого было недостаточно.

По царскому указу, в начале 1571 года князь Михаил Воротынский провёл смотр войск, дислоцированных на рубежах страны. Изучив положение дел, он составил правила несения пограничной службы. Итоговый документ, утверждённый царём Иваном IV 16 февраля 1571 года, вошёл в историю как «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». Он стал точкой отсчёта в истории российской пограничной службы. Спешно создавались два типа застав. Во-первых — сторжи, имевшие постоянный статус и закреплённые на одном месте, там русские воины несли постоянную «дозорную службу» и устраивали сторожевые разъезды. Во-вторых — станицы, находившиеся в постоянном движении вдоль границы. Каждый участок, на котором стояло несколько сторжей и станиц, возглавлялся станичным головой.

Новый устав подробно разъяснял порядок несения службы, тактические приёмы охраны рубежей царства, правила безопасности пограничников. За самовольный отъезд сторожей и станичников со службы предусматривались суровые наказания, вплоть до смертной казни. Небрежное несение службы каралось телесными наказаниями.

ми. Тем же, кто служил добросовестно, платили весьма крупное жалование, ведь пограничная служба, как и в наши дни, считалась особо опасной. «Боярский приговор...» быстро начал приносить результаты: южная граница стала надёжной, почти непроходимой для крымцев. И это Грозный оставил в наследие своим преемникам.

Но дело, конечно, не только в пограничной службе. Вся армия после нескольких десятилетий правления Грозного преобразилась. Появились стрелецкие войска — профессиональная, по сути, регулярная армия. Появились артиллеристы. Небывалый размах приобрела военная промышленность — прежде всего, литейное дело. Русское царство производило свои пушки, которые по праву считались одними из лучших в мире. Россия продавала пушки другим странам. Как бы сейчас сказали, имела высокотехнологичный экспорт.

Царь, желавший видеть свою армию сильнейшей, всемерно помогал развитию промышленности. Центром оружейного производства стал город Устюжна под Вологодой.

Грозный — и отец-основатель русского казачества. Именно его грамота, посланная донским казакам 3 января 1570 года, считается точкой отсчета в их истории. Они немало послужили России! При нем же появились старейшие донские станицы — Черкесская, Раздорская. При Грозном, в 1577 году, появилось и терское казачье войско,

ставшее русским оплотом в противостоянии с ногайскими ордами и надёжной опорой России на Северном Кавказе.

В 1554 году Иван IV «велел землю измерить и чертёж всему государству сделать». В результате работы многочисленных, по-видимому, экспедиций и уточнения ранее имевшихся карт уже в 1556 году была составлена первая достоверно известная подробная карта страны — «Книга Большому чертежу», более полная версия которого была составлена позднее при Борисе Годунове. Карта с описаниями, в силу своей секретности существовавшая в считанном по пальцам одной руки количестве экземпляров, до нашего времени не дошла. Тем не менее о её существовании можно говорить точно, потому что на неё ссылаются позднейшие географические документы.

При Грозном было положено начало и русской военной медицине, и военным подразделениям, которые занимались пожарной охраной — делом жизненно важным для тогдашних русских городов. В 1560 году руководители тушения пожаров — решёточные приказчики — перешли с общественных начал на штатные должности, стали людьми государственными.

Грозный оставил сыну и последующим русским самодержцам традицию венчания на царство — важнейшую для нашей страны. Без царя Москва не смогла бы на равных вести дипломатический

диалог с соседними державами. А Грозный, между прочим, был основоположником активной русской дипломатии. Его договоры с британцами открыли эпоху в международных отношениях. Россия имела дипломатические отношения с Данией, Швецией, Речью Посполитой, Австрийской и Османской империями. И даже первые контакты с Китаем приходятся на времена Ивана Васильевича.

Ещё в начале осмысленного периода своего правления Грозный провел судебную реформу и реформу управления, в результате которой появились элементы самоуправления на местном уровне. Представителями низшей царской администрации в городах и волостях были земские старосты. В 1612 году на всю страну прославился такой староста — торговец Козьма Минин. Он оказался великим гражданином, стал душой и организатором Второго земского ополчения, освободившего страну от польско-литовских интервентов. А основой этого движения была реформа Грозного, воспитавшая в русских людях гражданственность.

При Грозном в 1550 году был принят новый Судебник. Этот свод законов подтвердил свободный переход крестьян, связанный с Юрьевым днем. Того бесправного крепостничества, которое нам известно по художественной литературе, в те времена не было. Этапы его закрепления — это прав-

ление Бориса Годунова, Алексея Михайловича, а главное — «бабий век», когда императрицы XVIII века, потакая фаворитам, окончательно закабаляли русское крестьянство и низвели его до уровня холопства (почти рабства). Во времена Ивана Васильевича крестьянин чётко отличался от холопа и находился под защитой права.

Обратимся к культурному наследию. Грозный реформировал русский литературный язык — сделал его гибче, эмоциональнее, выразительнее. Это признают все наши великие филологи. Это выразилось, прежде всего, в его письмах и церковных произведениях.

Во времена Грозного было введено бесплатное начальное образование в школах при церквях — в том числе для крестьян. Открывались училища при новых епархиях в Казани, Каргополе и других городах.

Самые достоверные сведения о первой на Руси аптеке относятся к 1581 году, когда в правление Ивана Грозного на территории Московского Кремля была открыта придворная аптека, получившая название «государевой». Она обслуживала, главным образом, членов царской семьи и ближайших приближенных царя. Так в нашей стране началось аптечное дело. Важное подспорье для медицины.

Кроме того, царь Иван Васильевич оставил потомкам культуру книгопечатания. Это было важ-

нейшим достижением. При нем появились новые архитектурные стили и технологии, повсюду строились шатровые храмы и колокольни.

Иван Грозный оставил Руси развитую традицию культурного пения: ведь он держал в Александровской слободе и в Москве, при царском дворе, наиболее талантливых композиторов, новаторов своего времени: Федора Христианина — создателя новой школы пения, «гораздого знаменному пению», и Ивана Носа — ученика известного новгородского «мастера» Савы Рогова. Третьей знаменитостью был Степан Гладыш — создатель «усольского распева». Как это было важно для православной церкви, которая именно в годы правления Ивана Грозного стала по-настоящему суверенной от греков.

А еще при Грозном Россия получила первые морские торговые порты. В 1557 году в устье реки Нарвы (в то время ее называли Неревой) ниже Ивангорода был построен город, то есть, говоря современным языком, крепость-порт «для корабельного пристанища». Крепость состояла из трёх отдельных дерево-земляных укреплений, вооружённых мощной по тем временам артиллерией. Тогда же был заложен Архангельск — будущий главный русский порт на Белом море.

Активно действовал при Иване Васильевиче и русский речной флот — военный и торговый. И многие нововведения в повседневной жизни,

которые мы приписываем временам Алексея Михайловича и Петра Великого, проявились еще при первом нашем царе. Возможно, именно в те времена на Руси появился чай. Сохранился старинный документ, который, правда, многие исследователи считают подделкой, рассказывающий о казачьей экспедиции 1567 года. Атаманы Ялышев и Петров, побывавшие в Китае, описали обычай заваривать для питья листья особого кустарника. Этот диковинный напиток они завезли и в нашу страну. Правда, он тогда мало кого заинтересовал.

Английские купцы при Иване Грозном завезли в Россию табак. Правда, популярен он был недолго: при царе Михаиле Фёдоровиче курение строго запретили. Но это, конечно, не главное.

Главное, что страна, которую Грозный превратил в мощный единый кулак, получила колоссальные перспективы развития. И при Федоре Иоанновиче, и при Борисе Годунова она развивалась мощно. Потом были провалы, поражения, но исключить Россию из числа великих держав не могло уже ничто. Во многом — благодаря победам и политике Ивана Грозного.

ИВАН ГРОЗНЫЙ КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ ГЕРОЙ

Образ первого русского царя в фольклоре отпечатался ярко и многообразно. Песни, сказки, байки о нем веками передавались из уст в уста. В этом смысле из самодержцев с ним может сравниться только Петр Великий — первый император. Да еще Владимир Креститель — но он был не главным, а важным, но эпизодическим героем былинного цикла. Надо сказать, что народные сказители с давних пор больше любили бунтарей, людей вольных — тех, кто может и великому князю, и царю сказать резкое слово. Такими были в фольклоре Илья Муромец, Ермак, Стенька Разин, герои-раскольники...

А среди царей полный приоритет принадлежит Грозному. И это не случайно. Народ ценил его и при жизни, и после смерти — как законного государя, не «вора», как воина, защитившего страну от «поганых», наконец, как царя, который был «грозой» для крамолы, для предателей, для бояр-кровососов.

Образ Грозного в фольклоре многолик. Сначала мы расскажем о произведениях, в которых о нем говорится напрямую — как об историческом

царе Иване Васильевиче Грозном, потом — об аллегорической интерпретации образа.

О Грозном пели в исторических песнях, в казачьих, раскольничьих, стрелецких. О нем рассказывали байки и сказки в крестьянских семьях. В народе глубоко чтили мудрость царя:

Старину я вам скажу стародавнюю
Про царя было про Ивана про Васильевича.
Уж он, наш белой царь, он хитер был, мудер,
Он хитер и мудер, мудрей в свете его нет.

«Белой царь» — значит, православный. Таким и прославляли его сказители.

Песен о взятии Казани великое множество, обычно это переделки ранее существующих песен, восходящих к тем самым песням, которые исполняли перед самим Ивану Грозному. Ведь он любил пение.

Как рассказывает путешественник и дипломат Адам Олеарий, царь, желая повеселиться на пиру, приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани. Для широкого круга русских людей того времени Иван Грозный стал царем именно после завоевания Казанского царства. До этого царем его называли преимущественно в Москве, а для народа он привычно оставался великим князем. В народе пели об Иване Васильевиче:

Казанское царство мимоходом взял,
Царя Семиона под мир склонил,
Снял с царя порфиру царскую,
Привез порфиру в каменну Москву,
Крестил я порфиру в каменной Москве,
Эту порфиру на себя наложил,
После этого стал Грозный царь.
Есть в этих песнях и грубоватый воинский юмор:
Еще как государь-царь Казань-город брал.
Он в овражке простоял — он и кашку расхлебал.
Он в другом постоял — он другую расхлебал,
Он подкопы копал под Казанку-реку,
Он подвод подводил под Казань-город,
Он подкатывал бочки, бочки дубовые
Как со лютым со злым черным порохом,
Затеплял же он свечу воску ярого.
Татарки-казанки, на стене они стояли,
На стене они стояли, попки показали:
«Еще вот те, государь-царь, Казань-город взять!»
Государево сердечко рассердитовалось,
Приказал он пушкарев казнить-вешать.
Выбиралися в полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
«Ох, гой еси, государь-царь Иван Васильевич!
Не приказывай, государь, казнить-вешати,
Прикажи ты, государь-царь, слово выговорить:
На ветру свеча скоро топится,
В захолустье свеча долго теплится».
Не успел же государь-царь слово выговорить,
Еще начало же Казань-город рвати,
Рвать-порывать, на все стороны кидать,
Татарок-казанок в реку всех бросать.

С падением Казанского царства уничтожалась опасность вражеского вторжения в русские земли с востока. Память о татарском иге заставляла осознавать казанский поход как этап, заключающий многолетнюю борьбу с татаро-монгольскими захватчиками и истязателями земли Русской.

В песнях отражена и борьба с крымскими ордами. В одной из известных, любимых в народе песен в Москву приезжает крымский богатырь Кострюк. Царь ему устраивает пир, а Кострюк хочет поразвлечься и побороться, требует себе супротивников, иначе грозит спалить царство Московское. Царь находит ему двух борцов, один из них — Михалка, или Михаил Иванович, в борьбе Кострюка убивает. Михаил Иванович, убивший Кострюка, заставляет вспомнить исторического Михаила Ивановича, князя Воротынского, нанесшего под Молодами страшное поражение крымскому хану. В итоге — как и в реальной истории — крымцы побеждены, и страна благоденствует:

А живет-то наш Грозный царь Иван Васильевич,
А живет-то он, да звеселяется,
Звеселяется в своих да радостях,
Он своими-то же воинами зашитается,
А живет-то он без всякой опасности,
А век по веку, отныне до веку. Аминь.

Есть песни о смерти Ивана Грозного. В одной из них царь лежит в гробу кипарисовом, в голо-

вах его крест и корона царская, в ногах — острый меч. Кресту молятся, мечу ужасаются, отпевают память царю православному, царю Грозному Ивану Васильевичу. О смерти Грозного сложены многочисленные народные плачи.

Так, в песне «Смерть Ивана Грозного» неизвестный автор скорбит о кончине государя:

Уж ты, батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Из-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
<...> Во гробу-то лежит православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.
В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
Во ногах его вострый, грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякой кланяется,
А на грозен меч взглянет — всяк ужаснется.
О нелюбимом царе таких песен не пели бы!

Во многих балладах то с восхищением, то с уважительным ужасом описываются расправы царя над врагами. В народе поддерживали репрессии против бояр:

Первого боярина в котле велю сварить,
Другого боярина велю на кол посадить,
Третьего боярина скоро велю сказнить —

пелось в известной песне, которую знал и любил Пушкин. Жесткость царя по отношению к изменникам в народе одобряли:

Наш прегрозный сударь-царь Иван Васильевич,
Он повывел тут измену из Казани-града,
Он повывел тут измену из Рязань-града,
Он повывел-то изменушку из Опскова...

Среди других известных песен о Грозном — «Набег крымского хана», «Оборона Пскова от Стефана Батория» и песня о том, как «Иван Грозный хитростью берет город». В каждой из них царь показан героем, подчас гневливым, но всегда мужественным и отважным.

Изучение песен XVI века в очередной раз подтверждает известную тенденцию: существенное расхождение в оценках Ивана Грозного в официальной историографии и в произведениях устного народного творчества. Если первая, как известно, по большей части оценивает самодержца отрицательно, то последняя отдает должное величию Грозного. Ни в одной из почти трех десятков известных исследователям песен, каждая из которых дошла до нас в нескольких редакциях, нет негативного отношения к царю. Напротив, образ Ивана IV, рисуемый народным сознанием, воссоздает перед нами настоящего героя. Притягательный получился образ! Академик Д.С. Лихачев, исследовавший русский фольклор, писал о

Грозном так: «личность в своем роде единственная и ни на кого не похожая, экспрессивная и все-таки загадочная, как бы выступающая из теней и полутеней, подобно лицам стариков на картинах Рембрандта». Такой не мог не привлекать!

И он раз за разом побеждает врагов:
Прокличет с небес господень глас:
ино еси собака Крымский царь!
то ли тебе царство не ведомо?
а еще есть на Москве семьдесят апостолов,
опришенно трех святителей;
еще есть на Москве православной царь!

Песни песнями, но о самодержце слагали и сказки. В одной из них рассказывается, что послал Иван Васильевич послов ко всем королям и князьям и потребовал платить ему дань. Короли и князья все собрались и написали грамоту, а в грамоте было сказано, что если царь Иван отгадает загадки, то дадут они ему 12 бочек золота и будут платить ежегодную дань. Если же не отгадает, то должен он с царства сойти. А загадок три: что удалее всех на свете, что милее всех на свете, что слаще всех на свете. Думали-гадали царевы бояре, князья и умные люди, но ничего умного не нагадали.

Приходит срочное время, отправился царь на восток к белому камню для отгадывания загадок. По дороге встретил он мужичка-старичка, строя-

щего церковь. Разговорились. И попросил царь о помощи. Старичок помочь обещал, но с условием, что когда царь получит 12 бочек с золотом, то одну ему отдаст. Царь обещал, и тогда старичок сказал, что удалее всех на свете глаза — куда ни взгляну, тут же все вижу. Милее всех солнце красное, как засветит, все веселятся, а слаще всех вода — без нее жить нельзя. Поехал царь, сказал ответы и получил 12 бочек с золотом. Отправился назад, надо бочку с золотом старику отдавать. Стал царь со свитой советоваться. Много, говорит, у нас войска и все содержать надо, а старичок — зачем ему столько золота? Лучше мы вынем из бочки две части золота и всыплем песку, сверху оставим золото: старичок и не заметит.

Подъехал Иван Васильевич к старичку — вот, говорит, тебе бочка золота. Старичок говорит: «Ну, Царь русский, Иван ты Васильевич и Грозный! Сам ты ввел измену в Русь православную, и никогда ты ее с этого времени не искоренишь, и ни другой кто-либо; причиною всего этого ты сам, Царь. ...Я спас тебя и жизнь твою; ты обещал мне за это бочку золота, а вместо золота платишь песком». Царь видит, что человек это непростой, и слезно просил взять любую бочку золота. Старичок отвечает: «В золоте моем я не нуждаюсь и жить буду без твоего золота, а нужна была правда; ты сам изменил правде, и измена эта, опять повторяю, на веки веков останется на Руси, и ни

ты, и ни другой кто не может искоренить ее: всему этому злу причин». И не стало перед царем ни старичка, ни церкви. Понял Иван Васильевич, что говорил с ним Господь Бог.

Во многих сказках царь выступал защитником бедных в их противостоянии с боярами. Таковы сказки про горшеню, о лапотнике, о воре Барме. Вспомним сказку про горшеню — очень поучительную. Иван Грозный был незаносчивый царь, простой. Он любил пообщаться с простым народом, узнать о его бедах и надеждах и даже поспорить иногда. Конечно, если собеседник попадался интересный и неглупый. Так, однажды поспорил царь с одним горшеней, то есть горшечных дел мастером, производителем горшков, что тот не сможет продать десять возов своего товара.

И, как в сказках водится, поспорил хитрецу. Горшеня не только смог продать одному боярину свою продукцию, но и обобрал того да нитки. Да что там! Он на самом боярине доехал до купеческого дома, в котором гостил царь. За что был пожалован в бояре, ведь обмануть боярина в представлении простого человека — значит услужить своему государю. Вот такой парадокс.

А теперь мы расскажем о самом важном индизказательном фольклорном образе, связанном с народным восприятием Грозного. Как зовут самого популярного героя русских сказок? Иваном! Это имя считалось царским. Но из шести русских

Виктор Васнецов. Иван Царевич на сером волке

самодержцев-Иванов полноценным царем был только Иван Грозный. Иван Калита и Иван III были выдающимися политиками, но не носили царского титула. Они — великие князья. Великий князь Иван II Красный не оставил заметного следа в истории. Иван V и Иван VI носили титулы царей и даже императоров, но правили недолго и лишь номинально. Нет сомнений, что образ Ивана Царевича связан в первую очередь с воспоминаниями о Грозном, с интерпретацией его героики.

Излюбленный сюжет русских сказок — бой Ивана Царевича (царя!) со Змеем Горынычем. Змей — зеланд-елан — был символом Орды. Казань и победу Грозного над казанцами воспринимали как окончательное преодоление ордынского ига. Поэтому Змея в сказках убивает именно он.

Народ не обманешь. Фольклорная память, конечно, лишена документальной точности. Она — как память души, как память сердца: сохраняет всё главное и самое яркое. А среди царей таким был Иван Васильевич. С особенной ностальгией Грозного вспоминали в трудные годы Смуты и правления первых Романовых, в кровавые годы церковного раскола.

И, какие бы наветы ни набрасывали на него противники, люди пели песни и рассказывали сказки о царе-герое, мудром и справедливом. О самодержце, который умел побеждать, был защитником и патриотом своей Земли.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПОСЛЕ КНИГИ

Окончена наша книга о царе Иване Васильевиче Грозном, о его битвах и врагах. Пёстрая панорама событий XVI века прошла перед нами — сражения, строительство великих соборов, реформы, дипломатические переговоры, заговоры, верность и предательство... Мы постарались рассмотреть личность первого русского царя и его эпоху с разных сторон, в разных ракурсах. Постарались показать, как вставала на ноги могущественная держава, как она выростала из Великого княжества Московского. Как сражалась с соседями, побеждала и терпела поражения, но в целом — расширяла свои границы и влияние.

К сожалению, исторические заслуги Ивана Грозного часто замалчиваются и забываются. Это несправедливо. Еще несправедливее, когда о царе и его деяниях рассуждают в отрыве от традиций того времени, да ещё и — по необъективным, уничижительным источникам.

Судить об историческом деятеле следует не по слухам, не по спорным и часто недостоверным источникам, а по результатам его работы.

Мы надеемся, что наша книга даст толчок достойному изучению наследия выдающегося поли-

Виктор Васнецов. Царь Иван Васильевич Грозный

тика. Как часто мы забываем, что до Ивана Васильевича на Руси просто не было царей. А титул великого князя, увы, не позволял на равных вести диалог с императорами, султанами и королями.

Первое в истории нашей страны венчание Ивана Васильевича на царство, взятие Казани и присоединение Казанского и Астраханского ханств к Русскому царству, завоевание и освоение Сибири — это великие вехи в истории нашей страны, сравнимые с Бородинской или Сталинградской битвами. Как и славная победа над крымскими татарами при Молодях, обеспечившая нашей стране безопасность на её южных рубежах.

Конечно, все эти победы царь совершил не в одиночку. Он выдвинул плеяду талантливых полководцев, рядом с ним жил и действовал старший товарищ, учитель — митрополит Макарий. Но в каждом из этих дел ощущается неукротимый, амбициозный и пытливый характер Грозного. Характер, способный к прорывам. И он был настоящим лидером державы.

Судьбы выдающихся деятелей мировой истории извилисты и поучительны. Все они связаны не только с победами, но и с поражениями, не только с расцветом из стран, но и с массовыми казнями. Сравним Грозного с великими политиками и завоевателями разных эпох.

Александр Македонский, долгие годы не знавший поражений, разгромил огромную Персид-

скую империю, долгие годы угрожавшую грекам. Сколько ему было во время разгрома царя Дария при Иссе? 23 года. А Грозному, разгромившему Казань, было 22. Сопоставление здесь вполне допустимо: ведь татары долгие века изуверствовали и грабили на русской земле и вплоть до победы Грозного ежегодно грабили русские города и села и уводили наших людей в рабство. А чем закончил Александр Македонский? Неудачным походом в Индию. К тому же его империя распалась сразу же после смерти великого завоевателя. У Грозного на счету неудачное, но не трагическое завершение Ливонской войны — с «ничейным счетом». И после его смерти государство не распалось. Напротив, оно через 20 лет устояло даже под ударами голода, интервенции и смуты. А о том, как Македонский безжалостно казнил своих противников — настоящих и мнимых, почитайте в многочисленных исследованиях о нём.

Столпом античной истории и великим политиком справедливо считается Перикл — фактический руководитель демократических Афин на протяжении многих лет. Он создавал свою империю — могущественный Афинский морской союз. Но в последние годы жизни начал неудачную войну со Спартой, которая фактически разрушила его империю. По результатам он уступает Грозному, но мы чтим его, потому что с Периклом связано время кратковременного, но яркого взлета Афин.

Один из величайших деятелей мировой истории — Юлий Цезарь, римский консул, ставший предтечей императорского Рима. Но и его уход из жизни был трагическим: великий политик «проглядел» заговор Брута, погиб, и после его смерти Рим надолго охватила Гражданская война, борьба за власть между разными вождями и их соратниками.

Карл Великий — самый крупный европейский полководец и завоеватель Средневековья. В 25 лет он жестко подавил восстание, организованное его братом Карломаном, потопил его в крови — и далее действовал так же яростно, не взирая на лица. Король франков, он победил саксов, лангобардов, захватил Италию, но его попытка захватить тогдашнюю исламскую Испанию обернулась провалом. В 33 года он потерпел страшное поражение от басков в Ронсевальском ущелье, но хронисты не вписали этот факт в свои скрижали, а литераторы превратили поражение в победу в «Песне о Роланде».

После этого Карл жестоко подавил мятеж саксов, снова завоевал Саксонию и силой заставил их креститься. Не менее кровавым и опустошительным был его поход против славян-ободритов. Надо ли говорить, что грандиозная империя Карла распалась вскоре после его смерти. По настоянию императора Фридриха I Барбароссы поставленный им антипапа Пасхалий III канонизировал

Карла Великого. Но католическая церковь официально так и не признала этого акта. Несмотря на это, Карл Великий почитается в Ахене как святой покровитель города. Нечто схожее произошло и с Иваном Грозным. В некоторых старинных источниках его называли святым великомучеником. В Москве первому помазаннику Божьему после его смерти молились как местночтимому святому. Гробница Грозного в Архангельском соборе Кремля веками пользовалась особым почитанием богомольцев. Но церковь так и не канонизировала Грозного.

Перенесемся и в более позднее время. Нельзя не признать, что Наполеон Бонапарт был крупным полководцем и политиком. Ему удалось разбить австрийцев, германские государства, овладеть Италией, Польшей. Правда, он увяз в партизанской войне в Испании, лишился армии в русском походе и был изгнан за пределы России, а потом, в 1813–1815 годах потерпел серию поражений от войск коалиции, главную роль в которой играла Россия, и окончил дни в изгнании, на острове Святой Елены. И его называют величайшим человеком.

А Грозный умер победителем и самодержцем, приняв перед смертью монашескую схиму.

Задумаемся: именно Иван Грозный превратил нашу страну в многонациональную и многоконфессиональную империю, тем самым определив

Памятник Ивану Грозному в Орле.
Скульптор Олег Молчанов

путь России на долгие века. Именно при Грозном Волга стала великой русской рекой от истока до впадения в Каспийское море. Он стал предтечей России как мировой великой державы в XVIII–XX веках. И это признавали все наши крупные политики-практики.

Грозный сплотил Русское царство в единое централизованное государство. Чтобы уничтожить влияние бояр и удельных князей, грозивших стране новыми междоусобицами, он постарался превратить родовую аристократию в аристократию служилую. У них все меньше оставалось родовых вотчин. Основой землевладения стали

поместья, уделы (наделы), которыми награждал (наделял) царь, единственный хозяин земли Русской. Помещик владел землей, пока мог служить. Прекращалась служба — и поместье, как правило, возвращалось в казну.

Многие крестьяне, работавшие в поместьях и уделах, считались «черными», государевыми. Они платили подати и не считались холопами землевладельцев. Холопы податей не платили, были практически бесправны и считались собственностью хозяев. Они могли работать на земле, могли прислуживать хозяину. В отличие от будущих крепостных, не имели своего надела земли. Позже большинство холопов стали крепостными крестьянами, их окончательно прикрепили к земле во времена Бориса Годунова и в XVII веке.

По Судебнику Ивана Грозного крестьянам разрешался выход с земли за неделю Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня весеннего. Закабаление вольных людей без их согласия по закону запрещалось, за это полагалась смертная казнь. В те годы развивалось казачество, появлялись новые русские села в Поволжье — все это результат миграции бывших «холопов».

Какой вывод напрашивается после работы над этой книгой и, как мы надеемся, после её прочтения? Какие уроки можно извлечь из фактов, свидетельств, рассуждений, которые мы собрали под одной обложкой?

Во-первых, факты показывают полную несостоятельность демонического образа нашего первого царя, основанного на необъективных свидетельствах его недругов. Большую роль в создании негативного образа Грозного сыграл Николай Карамзин, в своей «Истории государства Российского» не критически пересказавший все пасквили на самодержца. После Карамзина многие историки, литераторы, даже государственные деятели стали относиться к Грозному как к «извергу», «кровопийце», «деспоту». Закрывая глаза на «художества» других зарубежных и отечественных государственных деятелей того времени. А причина столь немилосердного и лживого отношения к Ивану Грозному проста: при нем Россия стала сильнее, а «удельным князькам», не раз ввергавшим страну в пучину междоусобных войн, пришлось потесниться.

Мы показали то, о чем не принято вспоминать: сколько великих начинаний связано с эпохой Ивана Васильевича. Недаром его так высоко ценили два других правителя, усиливавших мощь нашей державы — Пётр Великий и Иосиф Сталин.

Во многом прав был писатель Алексей Николаевич Толстой, создавший две пьесы об Иване Васильевиче: «Грозный справедливо считается создателем русского государства... Многолетняя, победная вначале борьба Ивана Грозного окончилась военной неудачей, но русское государство было

создано и широко раскинулось до Каспия и Байкала. Земля стала единой и отечество единым». Важность этого достижения трудно переоценить.

Он оставил наследникам мощную державу, которая установила дипломатические и торговые отношения со многими странами Европы и Азии, в которой бурно развивались начальная школа, строительство, военная промышленность.

Личность Ивана Грозного притягивает. Он был удивительно одаренным человеком, с детства (а оно было драматичным!) тянулся к книге, к знанию. И много сделал для возвышения своей страны — по образцу героев древности, о жизни которых он хорошо знал из книг.

Никто в истории нашей страны не сделал больше для её безопасности, для усиления нашего воинства, чем первый русский царь. Мы уверены: его победы, уникальные для своего времени, следует изучать в каждом воинском училище. У Грозного были яркие последователи в нашей истории — и, прежде всего, Пётр Великий. Традиции основателя русской регулярной армии и боевой артиллерии продолжают и в наши дни. Только пора сказать о заслугах Ивана Грозного в полный голос, без оглядки на его несправедливых хулителей. Не критиков, а именно хулителей. Мы предлагаем при оценке крупных исторических деятелей руководствоваться фактами, делами и их последствиями.

До недавнего времени в России не было ни одного памятника Ивану Грозному. Хотя в XVI—XVIII веках его образ иногда появлялся на фресках в храмах. Но скульптурных памятников не было. В 1862 году Россия готовилась отмечать 1000-летие нашей государственности — а именно призвание Рюрика на княжение. В Новгороде должен был появиться грандиозный памятник. Его готовили и строили много лет — под руководством художника Михаила Микешина, с участием многих скульпторов. В композиции монумента — около 130 фигур выдающихся деятелей нашей истории. Их выбирали при участии историков, писателей, отцов церкви, под руководством монархов — сначала Николая I, а потом Александра II. Там запечатлены все русские цари, кроме единственного — первого, Ивана Грозного. Считалось кощунственным изображать его на новгородском памятнике — ведь Грозного упрекали в «погроме Новгорода». Но великий князь Иван III дважды воевал с Новгородом и не менее жестко обходился со своими противниками-новгородцами. Это не помешало сделать его одним из главных героев памятника. Есть в композиции памятника и жена Ивана Грозного — Анастасия (ведь она была из Романовых!), и несколько деятелей его эпохи — Алексей Адашев, Михаил Воротынский, Ермак, протопоп Сильвестр... Как можно было не включить в эту композицию первого — первого! — русского ца-

Памятник Ивану Грозному в Александрове.
Скульптор Василий Селиванов

ря, правившего дольше всех наших монархов? Глубочайшая несправедливость!

Только в последние годы этот перекокс стал исправляться. Конный памятник царю появился в городе Орле, основанном по указу царя. Появился памятник Ивану Грозному в Александрове. Не хватает только монумента в Москве, быть может, там, где наш первый царь родился — в Коломенском? Возле великолепного храма Вознесения, построенного в честь рождения Ивана Васильевича — тогда еще княжича, будущего великого князя и царя. Замечательный может получиться ансамбль.

Мы не идеализируем Ивана Васильевича как человека и не считаем необходимой его канонизацию. Он не был святым. Скрупулезно исполняя заповеди Христовы, вряд ли возможно быть успешным политиком и сильным правителем в нашем грешном мире — и в XVI, и в XXI веке. Вряд ли возможно усиливать армию, закладывая основы безопасности страны — и никого не обидеть. Так не бывает! Он был великим государственным деятелем, самодержцем, героем, а не святым. Быть может, для истории страны это ценнее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово историка	5
Об этой книге	11
Детство великого князя	17
Осколки империи Чингисхана	27
Враг на Юге	57
Исламизация	62
Грозные британцы	71
Венчание на царство	77
Грозный реформатор	87
Предатели и созидатели в истории	93
Идеолог Ивана Грозного	106
Основатель регулярной армии	116
Создатель регулярной артиллерии	124
Хроника казанских походов	134
Астраханские походы	148
Касимовское ханство	157
Лицевой летописный свод	163
Царь-строитель	168
Из путешествий по маршрутам Ивана Грозного ..	182
Жёны самодержца	190
Начало русского книгопечатания	200

Опричнина	211
Ливонская война	224
Новгородская ересь	236
Противостояние с Крымом	245
Симеон Бекбулатович	261
Соратники царя	268
Иван Грозный и Сибирь	283
Приписанные убийства	294
Убивал ли царь своего сына?	303
Синодик опальных	311
Писатель Иван Грозный	325
Как появился миф об «Иване Ужасном»	338
Жестокость	348
Иван Грозный — попытка психологического портрета	360
Наследие Ивана Грозного	370
Иван Грозный как фольклорный герой	390
Размышления после книги	401

Геннадий Анатольевич Жигарев

ИВАН ГРОЗНЫЙ. ЕГО ПОБЕДЫ И ВРАГИ

Книга о первом русском царе

Корректор *Людмила Асанова*

Художник *Анна Леон*

Верстка *Галины Нефедовой*

Подписано в печать 21.03.21.

Формат 84 × 108 / 32.

Печ. л. 13,0. Тираж 2000 экз.

Гарнитура «Charter»

9 785914 472501 >